

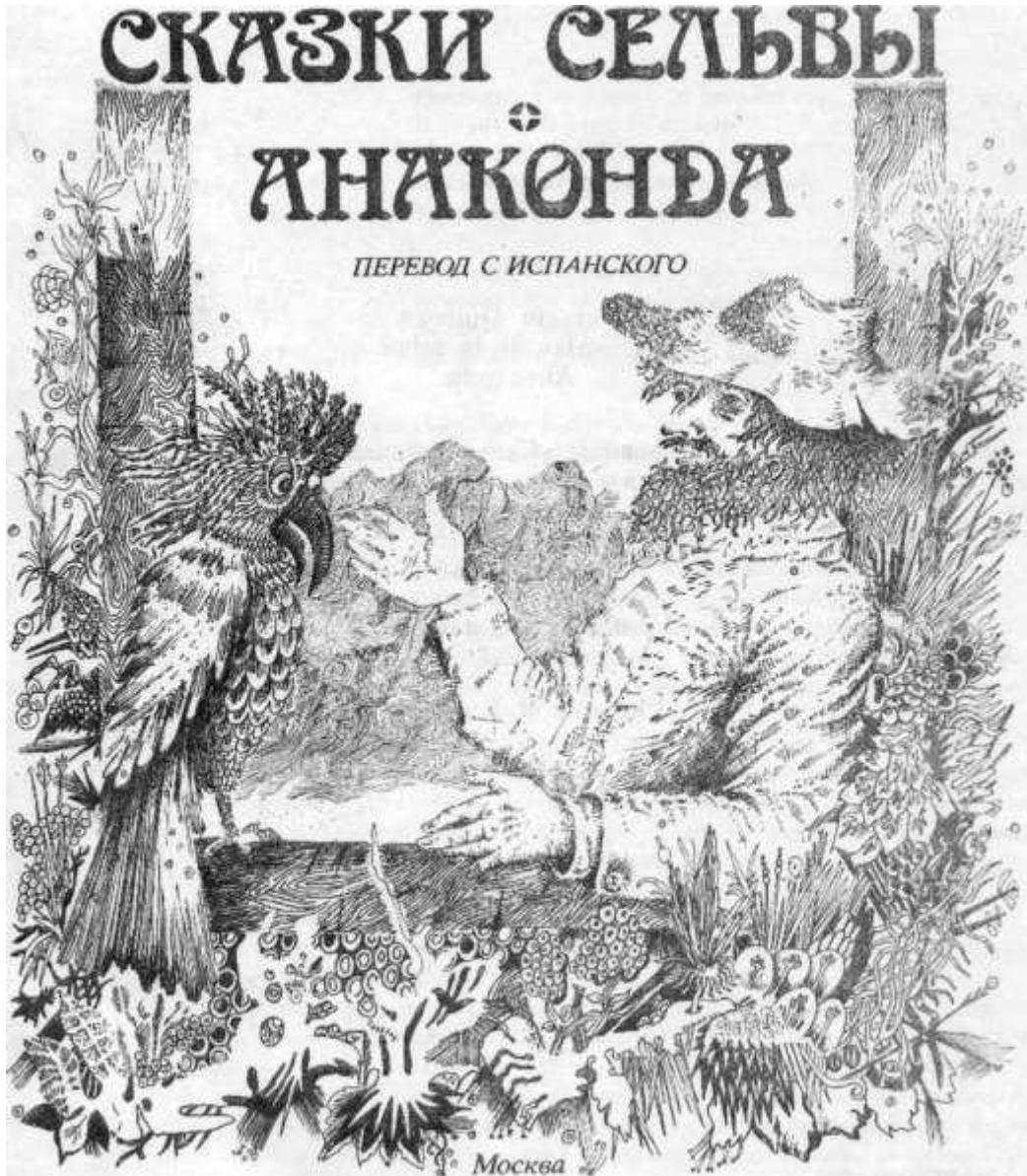

Орасио Курора

СКАЗКИ СЕЛЬВЫ
АНАКОНДА

Орасио Кирога

Издательство «Детская литература»

УРОКИ МУДРОГО ЛЕШЕГО

(Вместо предисловия)

Последуйте за мною и узнайте
Истории, что рассказало море,
И небеса, и травы полевые,
Омбу' высокоствольный на вершине,
И вековая пальма, и мимоза;

.....
Последуйте за мною — и услышите
Мелодии, что тихо напевает
Наедине с собою лес дремучий,
Когда в ветвях недвижных все уснуло... —

так писал уругвайский поэт Хуан Соррилья де Сан Мартин на рубеже прошлого и нашего веков в своей знаменитой поэме «Табарэ», воспевавшей коренных обитателей латиноамериканской земли — индейцев. Вчитайтесь в эти строки и вам покажется, что вы и правда слышите легенды и сказки далекой земли, рождающиеся так естественно, словно они подсказаны самой природой Латинской Америки. В этих легендах и сказках, разнообразных как сама природа, отразилось все богатство воображения людей, населяющих эту далекую, яркую землю, на которой и в наши дни остались уголки, где не ступала нога человека. Веками создавались эти истории: об обычаях древних племен, о невиданных цветах и растениях, о повадках диких зверей, что бродят неслышно сквозь непроходимые чащи, о звездах небесных — словом, обо всем, что привлекает внимание человека и будит его воображение.

Кто сочинял эти истории? Люди, конечно. Но кто они такие и как их имена? Вот имена творцов этих древних историй мы и не можем вам назвать, ибо творили их, на протяжении долгих веков, все те, кто населял горячую эту землю,— все вместе и каждый в отдельности. В начале начал были то исконные ее хозяева индейцы, сумевшие сохранить свои богатейшие предания и иод натиском европейских завоевателей. Были то и европейцы, позднее пришедшие, чтоб осесть на этой земле, и слившиеся с коренным ее населением, образовав так новые нации. Были то и негры, завезенные некогда на эти земли в трюмах невольничьих кораблей и подарившие новым берегам все богатство своей поэтической души...

Прошли века, и в разных странах необозримой Латинской Америки все продолжает цвести древний прекрасный цветок — сказка. Ее изучают, заботливо собирают, ею зачитываются и дети и взрослые... И мы можем теперь назвать многие имена тех, кто, тоже уже не один век, создает всё новые сказки,— это имена писателей, известные зачастую всему миру. Однако авторы этих сказок не просто выдумывают их, они опираются в своей работе на многовековой опыт народной сказки, созданной безымянными сказителями. У нее учатся они чувству справедливости, мудрой доброте, вдумчивой наблюдательности. Учатся сами — и учат всему этому своих читателей.

Одним из таких сказочников был знаменитый латиноамериканский писатель Орасио Кирога, чью книгу мы предлагаем вам прочитать...

Он родился в 1878 году в Уругвае, в оживленном, красивом речном порту Сальто, учился и в родном городе, и в столице страны Монтевидео, работал в журналах, преподавал одно время литературу, был даже мировым судьей... Но очень рано почувствовал он страстное влечение к творчеству — настолько рано, что даже бросил, не окончив, и Образовательное училище в Монтевидео, и Политехнический институт в Сальто. Его привлекало университетское образование, более близкое его интересам. В Монтевидео одержал он первые свои литературные победы, и там же увидела свет первая его книга — в стихах и прозе. Позднее он написал еще много книг (пробовал себя и в жанре романа), но самые заветные свои раздумья выразил он в форме короткого повествования: рассказа и сказки. Эту трудную форму, требующую предельной выразительности каждого слова, любил он больше всего, и здесь талант его достиг самых больших высот.

...Последуем же за Орасио Кирогой по пути его жизни. Итак, мы видим его в Монтевидео. Однако и чудесной красоты город, амфитеатром раскинувшийся на полуострове у гавани, открытой суровому ветру «памперо», способному даже переворачивать корабли, не надолго смог удержать среди своих стройных улиц беспокойного юношу с независимым нравом. И в самом начале нашего века мы уже видим его в столице Аргентины — Буэнос-Айресе. Правда, путешествие из одной столицы в другую — недолгое: стоит лишь «пересечь лужу», как шутят местные жители, подразумевая под «лужей» мощный разлив реки Параны, расширенное устье которой образует залив Ла-Плата, гигантской воронкой врезающийся в Американский материк, омывая волною два прекрасных города - уругвайский Монтевидео на левом побережье и аргентинский Буэнос-Айрес на правом. Плыть, впрочем, надо «целую ночь по просторам залива, а он хоть и назван Ла-Плата, что означает «серебро», но воды его мутны и беспокойны, словно ни на миг не забывают о том, что где-то совсем близко дыбятся и бушует бескрайный Атлантический океан...

Так вот мы встречаемся с героем нашего рассказа в одной из прекраснейших столиц Америки, с которой, по мнению многих, не может соперничать в красоте ни один город Южного полушария. Мы наблюдаем его бродящим по четко проложенной сетке ее улиц, в сутолоке ее портовых кварталов, в разноголосом шуме ее площадей, среди густой и яркой зелени ее садов и парков.

Но другая зелень, гуще и ярче столичной, влекла к себе пытливое воображение писателя. Еще в 1903 году он принял участие в экспедиции в область нетронутых тропических лесов — Мисьонес, а в 1909 году решил там поселиться. В жарком краю, пересекаемом мощными реками, зеленой полосой протянувшимся далеко к пределам Бразилии и Парагвая, природа словно задумала создать свой драгоценный заповедник, собрав вместе самые причудливые деревья, цветы и травы и самых диких животных и зверей. Здесь, в далеком краю, среди зеленых гигантов со стволами в три обхвата, среди кружевных папоротников, которые здесь не трава, а высокие деревья, в плотных чащах бамбука,— по всей этой пахучей, шумящей, таинственной чаще кралось, бродило и летало невиданное население, словно так и просящееся в сказку...

Мы не будем описывать вам тех зверей, жизнь и повадки которых вдохновили Орасио

Кирогу на создание своих мудрых сказок,— вы узнаете о них сами, читая эту книгу... И в каждой из рассказанных здесь историй вы найдете не только жизнь самого тропического леса, но и многое, что относится к жизни людей...

С самой ранней юности Кирога бунтовал против равнодушия, тупости, против всего, что мешает свободному проявлению человеческой души. И в своих фантастических историях выступает он борцом за духовные ценности, столь необходимые в реальной жизни. Это и защита кротких и добрых от власти хищных и злых, и желание жить в мире, без обид, несправедливостей и жестоких войн, и стремление беречь бесценный дар — дружбу, и готовность помогать нуждающимся в помощи... Не теми ли самыми идеалами, не той ли самой верой во все лучшее вскормлены безымянные творения всех народов, будь то древние русские предания или таинственные легенды латиноамериканских индейцев?!

Подобно Андерсену, братьям Гримм, Шарлю Перро и другим знаменитым сказочникам из разных стран, Кирога стремится в своих сказках научить читателей добру, привить им ненависть к насилию и любовь к справедливости. Но есть у него еще одна дополнительная задача: нарисовать широкую картину того особого мира, в котором живут герои его сказок, мира уже не фантастического, а живого, зримо раскинувшегося вокруг. Поэтому он старается объяснить нам повадки и образ жизни редких животных, свойства и особенности редких растений, раскрыть перед нами, хоть и в сказочной форме, богатую и необычайную действительность природы своего края.

Этой чертой Кирога сходен, пожалуй, лишь с одним знаменитым сказочником, своим современником, англичанином Редьярдом Киплингом, родившимся и проведшим большую часть своей жизни в Индии, где были созданы главные его произведения, и среди них «Книга джунглей», в которую входит знаменитая повесть о Маугли. Не случайно некоторые писатели называли Кирогу «Киплингом сельвы Мисьонес»: он, подобно Киплингу, помогает нам так живо представить себе своих персонажей — животных, что мы почти верим, что где-то уже видели их наяву и, если встретим, узнаем без труда. Происходит это потому, что, описывая фантастические приключения своих героев, Орасио Кирога незаметно и ненавязчиво преподает нам много полезных сведений о них самих и об окружающей их природе сельвы, и сведения эти — подлинные, они основаны на длительных и тонких наблюдениях человека, влюбленного в природу, в чистую и богатую жизнь животных и растений, горячо ратующего за ее оберегание, гневно возмущающегося всеми, кто посягает на ее священный покой и благоденствие. Мы узнаем, например, что змея, чтобы в чем-то убедиться, должна потрогать предмет своего любопытства языком, так как язык во многих случаях заменяет ей наши пальцы; что попугаю трудно летать, если на хвосте не хватает перьев, потому что хвост служит ому вместо руля; что у сома-сурубви вся кожа так искусно расписана, что по красоте не уступает ценной змеиной коже; что есть на свете пчелы, которые не жалят...

И не только редкие животные правдиво описаны в сказках Орасио Кироги: вдумчивая и добрая наблюдательность автора дает нам возможность «увидеть» и редкие растения южноамериканской сельвы. Мы видим апельсиновые **рощи**, словно по волшебству выросшие в лесной глуши; встречаем травянистое растение, вид мимозы, которое называют «недотрога», или «стыдливая», потому что стоит прикоснуться, и... листики сворачиваются...

Так в форме сказки, напевной и легкой, неторопливой и раздумчивой, с разъяснениями и повторами, как то принято в безымянных сказках всех народов. Орасио Кирога

преподает нам как бы вскользь многие полезные уроки, дает нам новые знания. Но главные уроки его вы усвоите, когда дочитаете книгу, так как она содержит в себе самые важные знания — о людях. Разные люди пройдут перед вами — хорошие и дурные, созидатели жизни, помогающие всему живому, и разрушители ее, стремящиеся это живое уничтожить. Вы узнаете, как дети вылечили раненого попугая, который потом в благодарность доставил им немало счастливых минут своими забавными выходками; как маленькая лань подружилась с вылечившим ее охотником и ходила к нему в гости: ведь животные — благодарные существа, они не забывают добра и помощи! А порою бывает, что помощь — взаимная, как, например, в сказке о черепахе, которая спасла человека, ранее спасшего ее саму, или о скатах, защитивших от тигров своего друга-человека, который не разрешал глушить их динамитом... Орасио Кирога горячо любит тех, кто делает добро другим. И гневно негодует на тех, кто несет с собой зло, как это делали вооруженные люди на военном корабле, возмущившие спокойствие тихой реки. Вы прочтете о том, как крокодилам удалось одолеть людей, посылающих огонь на мирную реку,— удалось благодаря тому, что они дружно взялись за дело для общего блага.

Чувству долга, солидарности, борьбе со всяким насилием, прилежанию в труде учат сказки, которые вам предстоит прочесть. В конце одной из них старая пчела, уже кончающая свой короткий век, дает юным пчелкам урок той мудрости, какую приобрела сама путем нелегкого опыта, убедившего ее, прежде беспечную и ленивую, в необходимости и радости труда: «Не столько наш ум, сколько наш труд делает нас сильными... Трудитесь, подруги, думая о том, что цель, к какой стремятся наши усилия,— счастье всех — превыше усталости каждого в отдельности. Люди называют это устремление Идеалом, и они правы. Не должно быть иной философии ни в жизни человека, ни в жизни пчелы».

Такой завет оставил нам с вами замечательный писатель Латинской Америки — Орасио Кирога. И хотя он умер уже давно, завет его остается в силе и в наше время...

«Сказки сельвы» — подобное название можно было бы дать всем необычным историям, коротким и длинным, действие которых происходит в том фантастическом, таинственном краю, где они создавались писателем за долгие годы его жизни. «Я люблю мои лесные рассказы больше всего остального»,— признавался он сам... И однако, «Сказками сельвы» названа только одна небольшая книжка, которую он написал для своих детей, не сознавая, быть может, что пишет ее для детей всего мира... В доме, который он построил сам, трудясь изо дня в день, как простой батрак,— в доме, где по стенам был развешан рабочий инструмент и который стоял на краю широкого плато, откуда виднелась бурная, коварная, как море, река Парана, в обществе гигантских деревьев, таинственных ночных птиц с пророческими голосами, мудрых и коварных змей, подстерегающих на каждом шагу, создавалась его своеобразная летопись сельвы. Кирога вел ее не только в своих сказках, но и в своих больших рассказах, вернее, маленьких повестях, самой яркой и необычной из которых по праву может считаться его «Анаконда».

...«Знаменитый автор «Анаконды» — так порой именуют Кирогу в работах о нем, написанных у него на родине. Что же такое «Анаконда» и чем так поразила она воображение читателей? Это был и сказка одновременно, повествование строго правдивое и вместе с тем поэтическая легенда; и основная тема ее очень важна и не потеряла своего значения и в наше время. Тема эта — Человек и Природа... Уже в «Сказках сельвы»

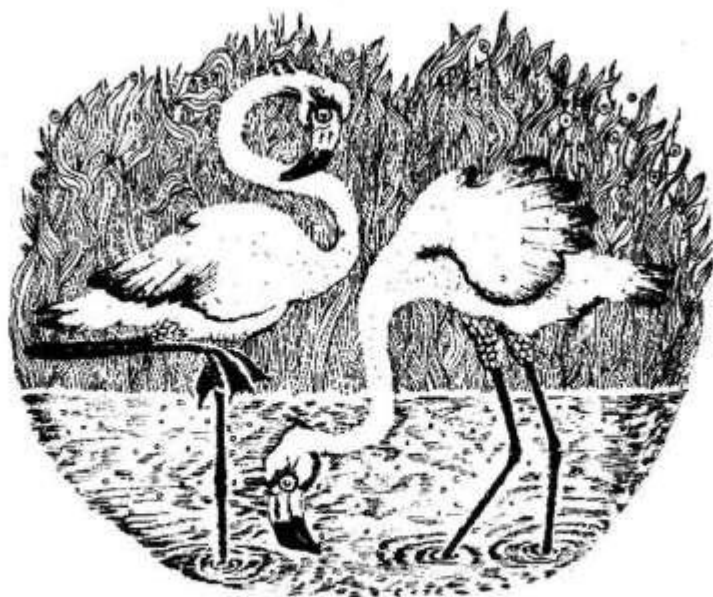
Кирога ясно изображает противоборство двух миров — мира людей и мира животных. Но там изображена также дружба между ними. В «Анаконде» встреча людей и животных происходит при таких обстоятельствах, что для дружбы места не остается. Здесь эти два мира резко отделены друг от друга, и за каждым — своя правда. Люди, покоряющие природу, хотя и обратили ее на служение всему человечеству, и подвиг ученых, с опасностью для жизни добывающих змеиный яд для приготовления спасительной сыворотки, изображен Кирогой с яркой выразительностью и строгой точностью. Но рядом другой мир, мир животных, в данном случае змей. Да, они ядовиты и опасны, но ведь такими создала их сама великая природа, а она наделена высшей мудростью. И потому этот мир — чудо, и так рисует его Кирога. И этот мир испытывает ужас перед миром Человека, на службе у которого — знание, техника, домашние животные, прирученные в незапамятные времена. И этот мир тоже горд и тоже не намерен сдаваться... Писатель как бы призывает нас понять и полюбить оба эти мира, тесно связанные друг с другом, — человека и окружающую его природу. Могучая любовь к природе, одушевляющая лучшие произведения Орасио Кироги, является и выражением его могучей любви к людям...

...В уругвайском издании произведений писателя, включенном в «Библиотеку лучших произведений литературы и истории» имени другого крупнейшего писателя и мыслителя Уругвая Хосе Энрике Родо, помещен рисованный портрет Орасио Кироги. Он помечен 1937 годом, последним годом его жизни. С портрета смотрит на нас необычайное лицо, которое раз увидишь — не забудешь... Над широким и высоким лбом, венчающим длинное, узкое это лицо, разлетаются легкие, светящиеся сединой волосы; редкая борода словно развеивается по ветру; а исподлбья смотрят на нас глубокие, полные затаенной, напряженной мысли глаза, словно отразившие в своем взгляде всю вековую историю той далекой земли, словно познавшие все тайны тропической природы, скрытые от непосвященных. И есть в этом лице что-то волшебное, сказочное, словно бы и сам писатель только что сошел со страниц своих историй или подсмотрел сказочные случаи из жизни сельвы, спрятавшись где-нибудь за душистым кустом, невидимый, подобный какому-то доброму духу, охраняющему эти чащобы, или мудрому лешему, знающему все как есть о богатой и красочной жизни своего леса.

Так давайте же и мы с вами слушаем уроки этого мудрого лешего: они еще не раз пригодятся нам в жизни!

Инна Тынянова

СКАЗКИ СЕЛЬВЫ

ГИГАНТСКАЯ ЧЕРЕПАХА

Жил когда-то в Буэнос-Айресе один человек. Жил он счастливо, потому что был здоровый и работающий. Но вот как-то раз он заболел, и врачи сказали ему, что только на свежем воздухе может он вылечиться. Он, однако, не хотел уезжать из города, потому что без него младшие братья умерли бы с голоду. Но с каждым днем становилось ему все хуже и хуже, и вот однажды его друг, директор зоологического сада, сказал ему:

— Вы — мой друг, и я знаю, что вы человек честный и работающий. Поэтому я хочу, чтобы вы уехали жить подальше от города, в лес. Там вы будете гулять на свежем воздухе и скоро вылечитесь. А так как вы метко стреляете, поохотьтесь пока что на диких зверей и привезите мне их шкуры, я же заплачу вам вперед, чтобы ваши маленькие братья не умерли без вас с голоду.

Больной согласился и уехал жить в лес, далеко-далеко от своего города, даже еще дальше, чем Мисьонес.

Там было очень тепло, и он стал понемногу поправляться.

Жил он в лесу совсем один и сам готовил себе пищу. Он охотился на птиц и зверей, и поэтому у него всегда к обеду было мясо. А еще он ел фрукты, которые срывал с деревьев. Спал он под каким-нибудь деревом, а в ненастные дни за пять минут сплетал себе шалаш из пальмовых листьев и спокойно сидел там, покуривая трубку, покуда ливень хлестал и лес содрогался вокруг от рева ветра.

Из шкур убитых зверей он сделал сверток и всегда носил его на плече. Он наловил много ядовитых змей и посадил их в выдолбленную тыкву, которую тоже носил с собой, — в тех землях тыквы большие, как бидоны для керосина.

И так к нашему охотнику вернулось здоровье, и снова был он румян и крепок. И вот в один прекрасный день, когда он был сильно голоден, потому что вот уже два дня, как он не смог ничего подстрелить, он увидел на берегу озера огромного тигра, который схватил черепаху и старался перевернуть ее, чтоб просунуть лапу под панцирь и выдрать мясо. Увидев человека, тигр издал грозный рев и приготовился к прыжку, но меткий стрелок всадил ему пулю между глаз и раздробил череп. Потом он содрал с тигра шкуру, которая оказалась такой большой, что одна могла служить ковром для целой комнаты.

— А теперь,—сказал охотник,— поем-ка я черепашого мяса, говорят, оно очень вкусное.

Но когда он Подошел к черепахе, то увидел, что она тяжело ранена — голова ее была почти оторвана и еле держалась.

Несмотря на голод, охотнику стало жаль бедную черепаху. Перевязав ее веревкой поперек туловища, он дотащил ее до своего шалаша и, издрав на бинты единственную рубаху, перевязал черепахе голову. Ему пришлось тащить черепаху волоком, потому что она была огромная, выше стула, а весила не меньше взрослого человека.

Черепаха так и осталась в углу шалаша и долгие дни лежала там не шевелясь.

Охотник каждый день подлечивал ее, как умел, а потом легонько похлопывал рукой по спине.

Наконец черепаха выздоровела. Но тогда заболел сам охотник. У него был жар и боли во всем теле.

Потом он слег совсем. Жар все увеличивался, его мучила жажда, в горле пересохло. Охотник понял, что тяжело болен, и в жару заговорил вслух, хоть и был совсем один и никто не мог его слышать.

— Я умру,— говорил охотник,— я здесь один, я не в силах встать, и некому даже подать мне стакан воды. Я умру здесь от голода и жажды.

А вскоре жар еще усилился, и он потерял сознание.

Но черепаха слышала все и поняла, что хотел сказать охотник. И она подумала:

«Этот человек не съел меня тогда, хотя и был очень голоден. Он меня вылечил. Теперь я буду лечить его».

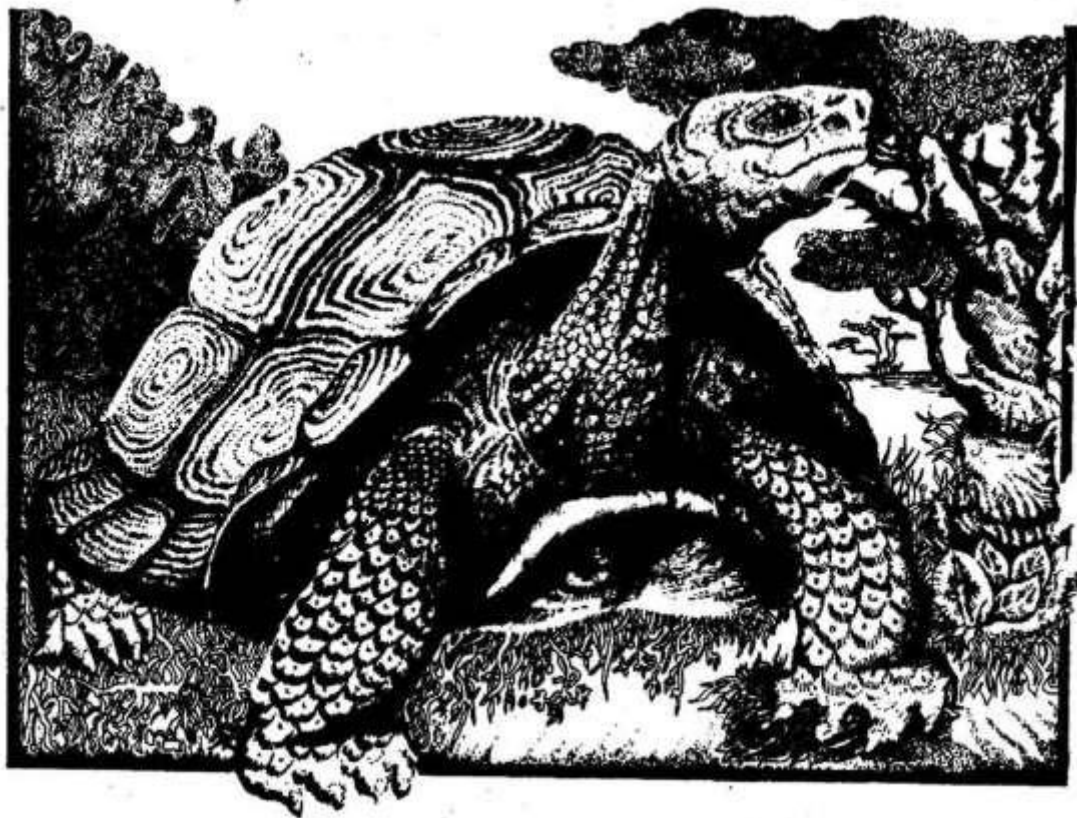
И она отправилась к озеру, отыскала панцирь маленькой черепахи и, как следует почистив его песком, наполнила водой и дала пить человеку,

который без сил лежал на тигровой шкуре и умирал от жажды. Потом пошла искать вкусные корни и нежные травы и принесла их охотнику, чтобы он поел. Охотник ел, не замечая, кто его кормит, потому что все время бредил и никого не узнавал.

Каждое утро черепаха бродила по лесу и находила все более вкусные корни, чтоб принести их охотнику; и жалела, что не умеет лазать по деревьям, а то бы она ему и фруктов раздобыла.

Так кормила она охотника много дней подряд, а он и не знал, кто приносит ему пищу. В один прекрасный день он пришел в себя и, посмотрев во все стороны, увидел, что он один, потому что в шалаше находились только он и черепаха, которая была всего лишь животное.

И он снова заговорил:

— Я совсем один в этом лесу, лихорадка вернется снова, и я умру здесь, ведь только в Буэнос-Айресе есть лекарства, которые могут меня вылечить. Но туда мне никогда не дойти, и я умру здесь...

Как он предполагал, так и вышло: в тот же вечер лихорадка вернулась с новой силой и он опять потерял сознание.

Но и на этот раз черепаха услышала его слова и сказала себе:

— Если он останется в лесу, то обязательно умрет, потому что лекарств здесь нет. Я должна отнести его в Буэнос-Айрес.

Сказав это, она нарезала тонких и крепких лиан, похожих на веревки, осторожно уложила себе на спину охотника и как следует привязала его, чтобы он не упал. Ей долго не удавалось примостить ружье, шкуры и тыкву со змеями, но в конце концов удалось сделать это, не обеспокоив больного, и тогда она отправилась в путь.

Так с поклажей на спине черепаха все шла, шла и шла, шла днем и шла ночью. Она шла через леса и поля, переплывала реки, шириной в целую милю, плелась по непроходимым болотам, где несколько раз чуть не завязла, а на спине у нее лежал умирающий человек. Через каждые семь-восемь часов она останавливалась где-нибудь на сухом месте, развязывала веревки и осторожно укладывала больного на зеленую травку.

Тогда она шла за водой, находила сладкие корни и давала охотнику. Потом она ела сама, хотя чувствовала себя такой усталой, что предпочла бы выспаться.

Иногда ей приходилось идти под палящим солнцем; стояло душное лето, лихорадка очень мучила охотника. Он умирал от жажды и громко бредил. Он кричал: «Пить! Пить!» И черепаха должна была все время поить его.

Так шла она день за днем, неделю за неделей. Все ближе были они к Буэнос-Айресу, но с каждым днем черепаха становилась все слабее и слабее, все больше выбивалась из сил, хотя и не жаловалась на свою судьбу. Иногда она замирала и долго лежала без движения, а охотник приходил к ней и говорил:

— Я умру, мне становится все хуже и хуже, и только в Буэнос-Айресе могли бы меня вылечить. Но я умру здесь один, в этом лесу.

Он думал, что все еще находится в своем шалаше, потому что был в забытьи. Тогда черепаха поднималась и снова пускалась в путь.

По вот как-то раз, когда уже вечерело, бедная черепаха уже не

смогла идти дальше. Силы изменили ей. Ведь она уже целую неделю не ела, чтобы скорее добраться до Буэнос-Айреса,

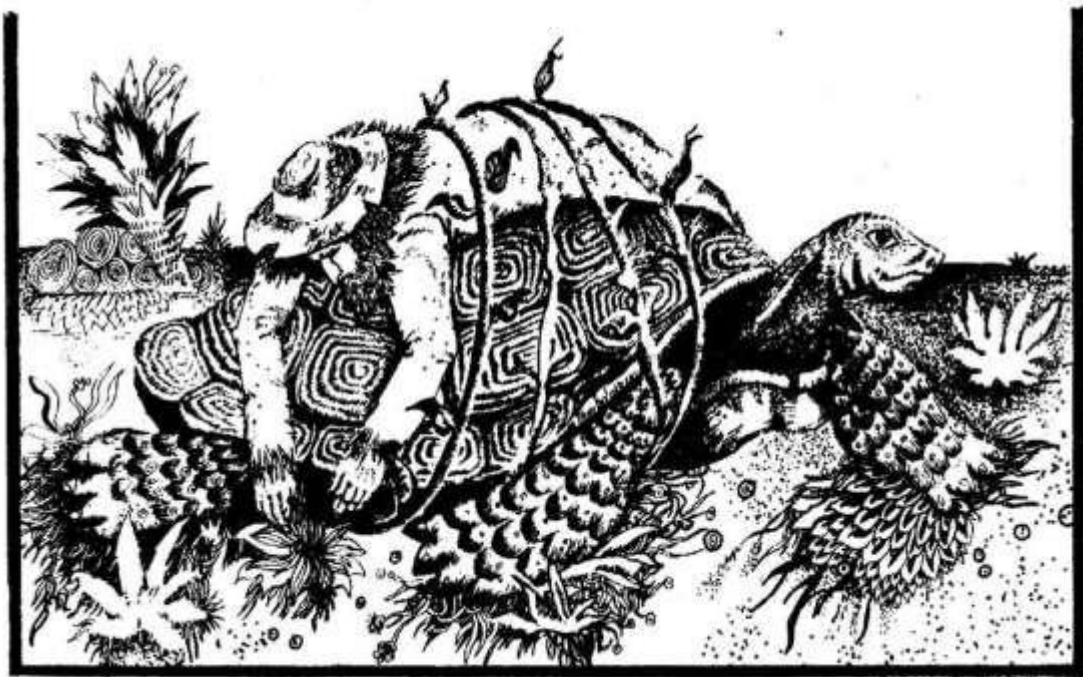
Когда стало совсем темно, она увидела на горизонте какой-то далекий свет, какое-то сияние, которое освещало все небо, но не знала, что это такое. Она чувствовала, что все больше слабеет, и закрыла глаза, чтобы умереть рядом с охотником, с грустью думая о том, что не смогла спасти человека, который был так добр к ней.

И тем не менее черепаха уже пришла в Буэнос-Айрес, хотя и не знала об этом. Свет, который она видела на небе, был отблеском огней города, и она умирала, находясь у цели своего героического путешествия.

Но какой-то мышонок — возможно, это был мышонок Перес, известный герой многих сказок,— случайно увидел умирающих путников.

— Вот так черепаха! - сказал мышонок. — Никогда я не видел такой большой черепахи. А что это у тебя на спине? Дрова?

— Нет,— с грустью ответила черепаха. — Это человек.

— А куда же ты с ним идешь? — спросил любопытный мышонок.

— Я иду... Я иду... Я шла в Буэнос-Айрес, — ответила бедная черепаха так тихо, что ее едва можно было расслышать. — Но, видно, придется умереть здесь, потому что я никогда не дойду...

— Ах ты, глупая, глупая. — сказал, смеясь, мышонок. — Никогда я не видел такой глупой черепахи! Да ведь ты уже пришла в Буэнос-Айрес! Огни, которые ты видишь там впереди, и есть Буэнос-Айрес.

Услышав это, черепаха почувствовала в себе такую силу, какой никогда не чувствовала, ибо снова ожила в ней надежда спасти охотника. И она пустилась в путь.

А на рассвете, когда все еще спали, директор зоологического сада увидал полуживую, забрызганную грязью черепаху, на спине которой, крепко-накрепко привязанный лианами, лежал умирающий человек. Директор узнал своего друга и мигом раздобыл лекарства, приняв которые, охотник сразу же вылечился.

Когда охотник узнал о том, как черепаха спасла его, как прошла она триста миль, чтобы доставить его туда, где смогут его вылечить, он больше не захотел расставаться с нею. И так как он не мог держать ее у себя дома, потому что там было очень мало места, друг его предложил взять ее к себе в зоологический сад и обещал обращаться с ней, как с родной дочерью.

Так и случилось. Черепаха, счастливая ласковым вниманием окружающих, разгуливает по всему саду. Это и есть та самая, знакомая вам черепаха, что каждый день щиплет травку возле клеток с обезьянами.

По вечерам охотник ходит к ней в гости, и она издали узнает шаги своего друга. Они проводят вдвоем несколько часов, и черепаха никогда не отпускает его, прежде чем он не похлопает ее ласково по спине в знак прощанья.

ЧУЛКИ ФЛАМИНГО

Как-то раз змеи давали бал. Они пригласили лягушек и жаб, фламинго, крокодилов и рыб. Рыбы, так как не умеют и ходить, то уж танцевать, конечно, не могли. Но, поскольку бал происходил у реки,

Они, подплыв к самому берегу, высовывались из воды и радостно хлопали хвостами.

Крокодилы для красоты надели банановые ожерелья и курили паргвайские сигары. Жабы оделись с ног до головы в блестящую рыбью чешую и расхаживали покачиваясь, словно плывя. И каждый раз, когда они с важным видом прогуливались у берега, рыбы поднимали шум, насмехаясь над ними.

Лягушки, сильно надушенные, ходили на задних лапках. И кроме того, каждая повесила себе на шею вместо фонарика маленького светлячка, который раскачивался при каждом их движении.

Но кто был действительно красив, так это змеи.

Они были одеты, как балерины, каждая — в юбочку под цвет самой змеи. На красных змеях были юбочки из красного тюля, на зеленых — из зеленого, на желтых — из желтого, а на жарараках — из серого тюля с полосками кирпично-бурого цвета, потому что у этих змей такая окраска.

Но особенно великолепны были коралловые змеи, которые были одеты в длинные черно-красно-белые накидки из тонкого газа и, танцуя, извивались, как яркие бумажные ленты. Когда змеи танцевали и кружились, касаясь земли всего лишь кончиком хвоста, все приглашенные хлопали им, упиваясь от восторга.

Только фламинго, у которых в то время были белые ноги и такой же, как и сейчас, толстый и кривой нос, были грустны: глупые птицы не сумели принарядиться к празднику, у них на это не хватило смекалки. И поэтому, увидев, что все пришли такие нарядные, они терзались запястью. Особенно завидовали они коралловым змеям. И каждый раз, когда какая-либо из коралловых змей, изящно извиваясь, проносилась мимо в своей прозрачной волнистой одежде, фламинго умирали от зависти.

Тогда один из них сказал:

— Я знаю, что нам делать. Давайте наденем черно-красно-белые чулки, и коралловые змеи влюбятся в нас.

И, разом поднявшись в воздух, фламинго перелетели через реку и, опустившись на землю возле одной из городских лавок, постучались в двери.

— Тук-тук!.. — барабанили они своими ногами.

— Кто там? — отозвался лавочник.

— Это мы, фламинго. Есть у вас в продаже черно-красно-белые чулки?

— Нет, таких чулок нет,— ответил лавочник.— Да вы сумасшедшие, что ли? Таких чулок вы нигде не найдете.

Фламинго улетели и постучались в другую лавку:

— Тук-тук!.. Есть у вас черно-красно-белые чулки?

Лавочник ответил:

— Как вы сказали? Черно-красно-белые? Таких чулок вам не сыскать нигде. Вы с ума сошли! Кто вы такие?

— Мы — фламинго,— ответили птицы.

Тогда лавочник сказал:

— Ну, значит, вы — сумасшедшие фламинго.

Фламинго снова улетели и постучались в третью лавку:

— Тук-тук!.. Есть у вас черно-красно-белые чулки?

Лавочник закричал:

— Какие? Черно-красно-белые? Только таким глупым носатым птицам, как вы, может прийти в голову спрашивать подобные вещи. Немедленно уберите прочь!

И лавочник, схватив метлу, набросился на бедных фламинго.

Так фламинго побывали во всех лавках, и отовсюду их гнали и повсюду их обзывали сумасшедшими.

И тут броненосцу, который пришел напиться к реке, захотелось подшутить над фламинго, и, обратившись к ним очень приветливо, он сказал:

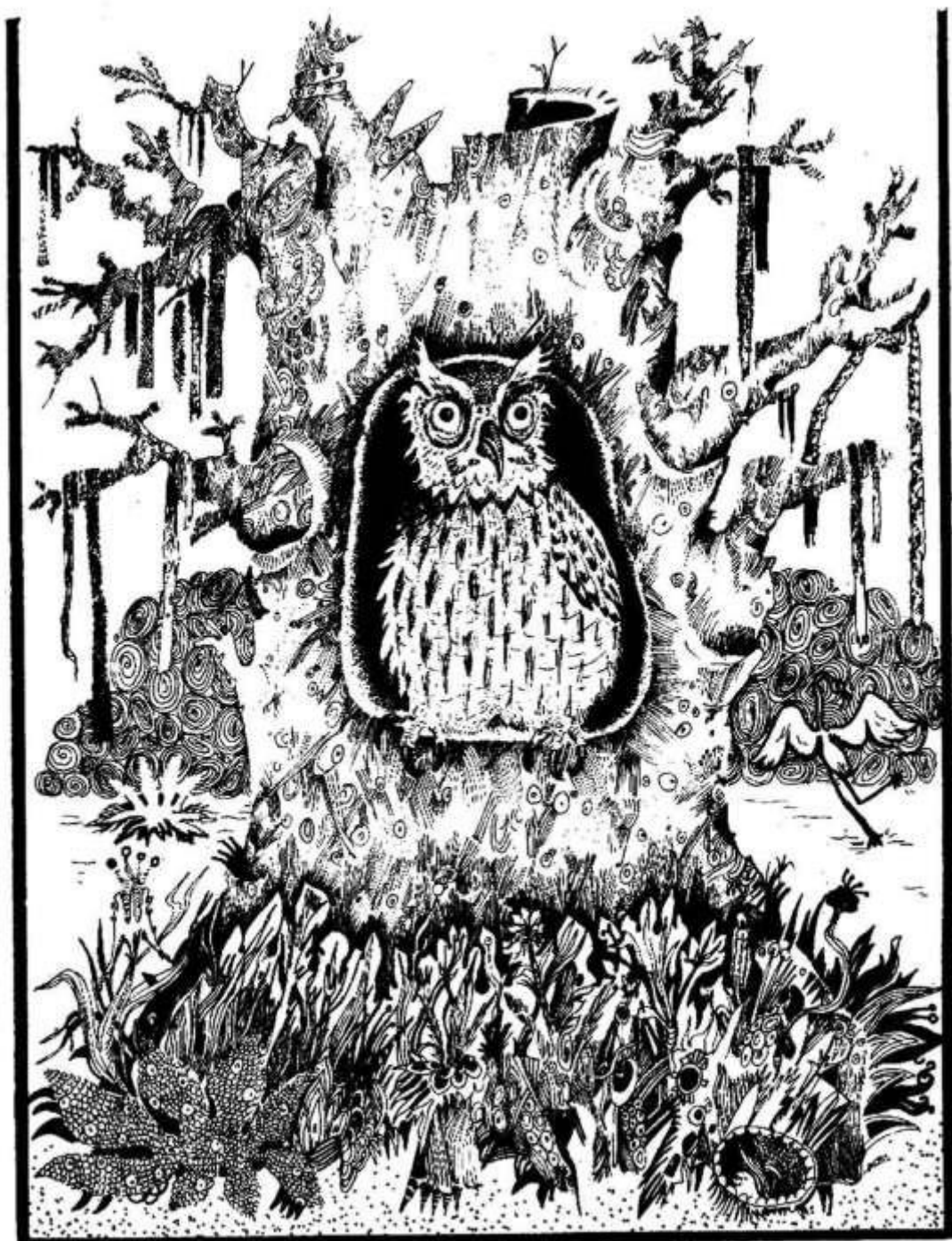
— Добрый вечер, сеньоры фламинго. Я знаю, что вы ищете. Таких чулок вы не найдете ни в одной лавке. Может быть, они продаются в Буэнос-Айресе, но тогда пришлось бы просить, чтоб вам прислали их по почте. Только у совы, моей невестки, найдется то, что вам нужно. Попросите ее, и она достанет вам черно-красно-белые чулки.

Фламинго поблагодарили и полетели к пещере, где жила сова. Они сказали ей:

— Добрый вечер, сова. Мы пришли попросить у тебя черно-красно-белые чулки. Сегодня у змей большой бал, и если мы наденем такие чулки, коралловые змеи влюбятся в нас.

— С большим удовольствием! — ответила сова. — Подождите немножко, я сейчас вернусь.

И, улетев, оставила фламинго одних. Через некоторое время она

вернулась и принесла несколько пар чулок, но только это были совсем не чулки, а кожа коралловых змей, и кожа эта, чудесной, яркой расцветки, была содрана со змей, которых только что изловила сова.

— Вот вам чулки,— сказала она.— Теперь все в порядке, только не забывайте то, что я вам сейчас скажу: танцуйте всю ночь напролет, танцуйте, не останавливаясь ни на минуту, качайтесь, кружитесь, на голову становитесь — словом, пляшите как хотите, но только не останавливайтесь. А остановитесь — кончайте пляску, получайте таску.

Но глупые фламинго так и не поняли, какая огромная опасность им угрожает, и, обезумев от радости, стали натягивать чулки из змеиной кожи на свои длинные ноги. Так, счастливые и довольные, они полетели на бал.

Увидев фламинго в таких роскошных чулках, все стали завидовать им. Змеи не желали танцевать ни с кем, кроме них; а так как фламинго ни на секунду не останавливались, невозможно было рассмотреть, из чего сделаны эти изумительные чулки.

Однако мало-помалу змеи начали подозревать что-то недоброе. И когда фламинго, танцуя, проносились мимо них, они вытягивались на земле, чтобы лучше рассмотреть странные чулки.

Коралловые змеи беспокоились больше всех. Они не сводили глаз с чулок и больше всех вытягивались, стараясь достать языком до ног фламинго, потому что язык служит змеям так же, как человеку руки. Но фламинго всё плясали и плясали, не останавливаясь ни на секунду, хотя уже совсем выбились из сил.

Коралловые змеи, увидев, что фламинго едва держатся на ногах, попросили у лягушек их фонарики, которые, как мы помним, были маленькими светлячками, и, собравшись вместе, стали ждать, когда фламинго упадут от усталости.

И действительно, спустя минуту один фламинго, совсем обессилив, споткнулся о сигару, брошенную кем-то из крокодилов, пошатнулся и упал на бок. Коралловые змеи ринулись к нему со своими фонариками и ярко осветили его ноги. Они поняли, из чего сделаны его чулки, и подняли такой свист, что было слышно на другом берегу Параны.

— Это не чулки! — кричали змеи.— Мы знаем, что это такое! Нас обманули! Фламинго убили наших сестер и надели вместо чулок их кожу! На них чулки из кожи коралловых змей!

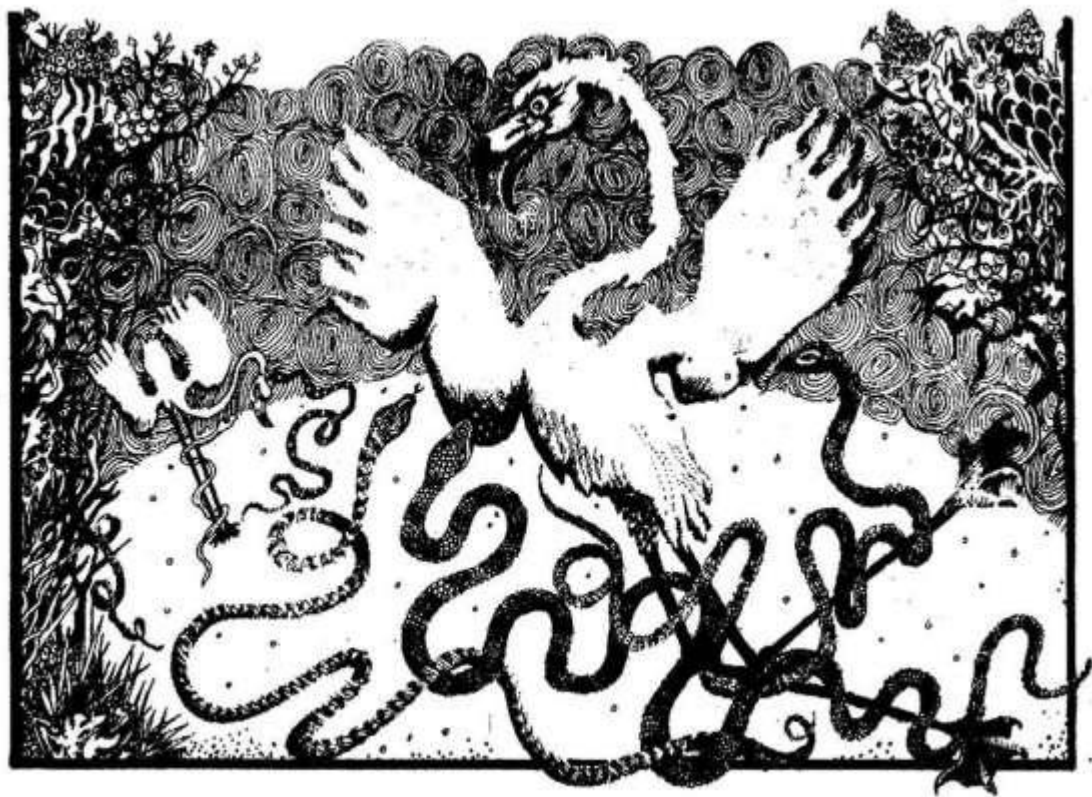

Услышав это, фламинго, дрожа от страха и поняв, что разоблачены, хотели улететь, но они так устали, что были уже не в силах пошевелить хотя бы одним крылом. Тут коралловые змеи набросились на них и, обвившись вокруг их ног, изорвали проклятые чулки, раздирая их в клочья и яростно жаля голые ноги фламинго.

Фламинго, обезумев от боли, метались из стороны в сторону, пытаясь сбросить змей, обвившихся вокруг их ног. Наконец, видя, что от проклятых чулок не осталось ни клочка, змеи отпустили фламинго и уползли, усталые, оправляя свои измявшиеся газовые накидки.

К тому же коралловые змеи были уверены, что фламинго скоро умрут, ведь они знали, что их укусы смертельны.

Но фламинго не умерли. Корчась от невыносимой боли, они побежали к воде. Они кричали от боли, и их ноги, которые раньше были белыми,

стали красными от змеиного яда. Дни проходили за днями, а ноги у фламинго всё жгло, как огнем, и они сделались красными, как кровь, и все это — от змеиного яда.

Много, много времени прошло с тех пор. Но и сейчас фламинго по целым дням простаивают в воде, чтоб хоть немного остудить свои красные ноги, которые все еще болят.

Иногда они выходят из воды и делают несколько шагов по земле, чтоб посмотреть, не лучше ли им. Но на земле боль от старых укусов сразу возвращается, и фламинго снова бегут к воде. Иногда ноги у них так горят, что они поджигают одну ногу и стоят в воде целыми часами, не в силах пошевелиться.

Вот вам история фламинго, у которых раньше были белые ноги, а теперь — красные. Все рыбы знают эту историю и смеются над ними. Но фламинго, покуда лечат в воде свои ноги, не упускают случая отомстить рыбам за это, и стоит какой-нибудь храброй рыбешке подплыть к ним поближе, как они опускают клюв в воду и заглатывают дерзкую насмешницу.

ПЛЕШИВЫЙ ПОПУГАЙ

Жила когда-то в лесу стая попугаев.

Каждый день поутру летали они на соседнее поле клевать маис, а на обед ели апельсины. Они обычно очень шумели и кричали, а один из них взлетал на самое высокое дерево — следить, не идет ли кто.

Попугаи хуже саранчи, потому что, выклеывая зерна, они обдирают молодые початки, которые потом сгниют, как только начнутся дожди. И так как, кроме того, у попугаев очень вкусное мясо, то батраки часто охотятся на них.

Как-то раз один батрак метким выстрелом подбил попугая-часового, который упал, раненный, на землю и долго отбивался, не давая себя схватить. Батрак отнес птицу домой и отдал детям хозяина, а дети вылечили попугая, у которого было, оказывается, сломано крыло. Попугай поправился и стал совсем ручным. Его называли Педри'то. Он научился давать лапку и очень любил садиться на плечи к людям и клювом слегка щекотать их за ухом.

Жил он на свободе и почти целый день проводил в саду, среди апельсиновых деревьев и эвкалиптов. Часа в четыре, когда в доме обычно пили чай, попугай вместе со всеми спешил в столовую и, быстро работая клювом и лапками, взбирался по скатерти на стол, где для него тоже был готов чай с молоком и размоченный в нем хлеб.

Педрито так подружился с детьми и они ухитрялись так много ему наболтать за день, что попугай скоро выучился говорить. Он кричал: «Добрый день, дур-рак! Хор-р-роша кар-р-ртошка! Дайте Педр-р-рито кар-р-ртошки!» Употреблял он также такие слова, которые неудобно повторять, потому что попугаи, как и дети, легко выучиваются ругаться.

Когда шел дождь, Педрито распускал перышки и подолгу тихонько рассказывал что-то самому себе. А когда погода прояснялась, он начинал летать взад-вперед, крича как бешеный.

Был он, как видите, очень счастливый попугай и, кроме желанной свободы, о какой мечтают все птицы, имел еще, как все состоятельные люди, свой собственный, и неплохой, кусок хлеба, даже с маслом, вернее, с молоком...

Ну вот, посреди всего этого счастья случилось как-то раз, что после пяти ненастных дней вдруг выглянуло солнце. Педрито полетел в сад с криком:

— Хор-р-роший вечер-р-р, Пед-р-рито. Хор-р-роша кар-р-ртошка. Здр-р-равствуй, Пед-р-рито!— и полетел далеко-далеко, пока не увидел где-то внизу, низко-низко, реку Парану, которая сверху казалась широкой белой лентой. А он все летел и летел, пока наконец не опустился на какое-то дерево отдохнуть.

И вдруг сквозь ветки он увидел внизу два зеленых огня, похожие на огромных светляков.

«Что это? — подумал попугай.— Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Что это такое? Добр-р-рый день, Пед-р-рито!..»

Он, как и другие попугаи, всегда болтал без толку, и понять его порой было очень трудно. А так как он был очень любопытный, то стал спускаться с ветки на ветку, пока не оказался близко от земли. И тогда он увидел, что два зеленых огня были глазами тигра, который, притаившись под деревом, пристально смотрел на него.

Но Педрито был в таком хорошем настроении, что совсем не испугался.

— Добрый день, тигр, — сказал он. — Здр-р-равствуй, Педр-рито.

И тигр таким вот страшным и хриплым голосом, каким всегда говорят тигры, ответил:

— *Доб-рый де-ень!*

— Добрый день, тигр, — повторил попугай. — Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Хор-р-роша кар-р-ртошка!..

И он без устали повторял: «Хороша картошка!» — потому что было уже четыре часа и ему очень захотелось чаю с молоком. Он совсем забыл, что дикие звери не пьют чай с молоком, и пригласил тигра на чашку чая.

— Хороший чай, хорошо молочко! — сказал он. — Добрый день, Педр-р-рито, добрый день, тигр!.. Хочешь чашку чая? Хор-р-роший чай, хор-р-рошо молочко!

Но тигр страшно рассердился, думая, что попугай смеется над ним, а так как он к тому же был голоден, то и решил съесть болтливую птицу. Поэтому он ответил:

— *Ладно! Под-ле-ти-ка ближе, друг, я на у-хо туг!*

Тигр не был туг на ухо, просто он хотел заманить попугая поближе, чтоб удобнее было его схватить. А попугай думал только о том, как обрадуются все в доме, когда он явится пить чай с молоком в обществе такого блистательного друга. И он перелетел на другую ветку, поближе к тигру.

— Хор-р-роша кар-р-ртошка! — повторил он как мог громче.

— *Подойди-ка ближе! Ну-ка!* — ответил тигр своим хриплым голосом.

Попугай подлетел поближе и сказал:

— Хор-р-роший чай, хор-р-рошо молочко!

— *Подлети-ка ближе!* — повторил тигр.

Бедный попугай подлетел совсем близко, и в этот момент тигр прыгнул так высоко, что мог бы дом перепрыгнуть, и схватил Педрито своими острыми когтями. Ему не удалось убить попугая, но он выдрал у него все перья на спине и оторвал хвост. Ни одного перышка не осталось в хвосте у Педрито.

— *Получай свой чай!* — прорычал тигр. — *Получай свой чай с молочком!..*

Попугай, крича от боли и страха, поторопился улететь. Но летел он с трудом, потому что у него не было хвоста, который служит птицам

вместо руля. Он летел, накрываясь в воздухе то в одну сторону, то в другую, и встречные птицы испуганно шарахались от такого странного существа.

Наконец он долетел до дома и первым делом поспешил на кухню, чтоб посмотреть в кухаркино зеркало.

Бедный Педрито! Он выглядел самой уродливой и самой несуразной птицей, какую только можно себе представить: плешивый, бесхвостый и дрожащий от холода. Как явится он теперь в столовую в таком виде?.. И он полетел в сад и нашел в одном из эвкалиптов дупло, такое глубокое, как настоящая пещера. И он забился в дупло, дрожа от холода и стыда,

А между тем в столовой хватились попугая.

— Где это наш Педрито? — говорили все. И звали: — Педрито!.. Хороша картошка, Педрито! Хороший чай!

Но Педрито все сидел в своей пещере, немой, подвижный, и не отзывался. Его разыскивали повсюду, но не могли найти. Тогда все решили, что Педрито умер, и дети горько заплакали.

Каждый вечер за столом все вспоминали о попугае, вспоминали и о том, как он любил чай с молоком и размоченный в нем хлеб. Бедный Педрито! Никогда больше они не увидят его, он, верно, умер...

Но Педрито не умер, а продолжал сидеть в своем дупле, не показываясь никому на глаза, потому что ему было очень стыдно, что он голый, словно крыса какая. По ночам он вылезал чего-нибудь поесть и быстро прятался обратно. А на рассвете еще раз тихонечко спускался с дерева и шел посмотреть в кухаркино зеркало, и был всегда очень грустный, так как перья отрастали очень медленно.

Но вот наконец однажды, когда вся семья сидела за вечерним чаем, в комнату вдруг вошел Педрито, с невозмутимым видом, вразвалочку, как будто ничего и не случилось. Все прямо с ума посходили от радости, видя его целым и невредимым, да еще с такими роскошными перьями.

— Педрито, дурачок Педрито! — говорили ему. — Что с тобой случилось, Педрито? Ах, какие у него перышки!

Но никто не знал, что это были новые перышки, а Педрито, очень важный, не говорил ни слова. Он только и делал, что ел размоченный в чае с молоком хлеб. И ни гугу...

Поэтому хозяин дома очень удивился, когда на следующее утро

попугай вдруг прилетел и уселся к нему на плечо, болтая без умолку. В две минуты он рассказал все, что с ним произошло: свою прогулку в Парагвай, свою встречу с тигром и все остальное, и после каждого рассказа кричал нараспев:

— У Педр-р-рито нет ни пер-р-рышка! Нет ни пер-р-рышка! Ни пер-р-рышка!

И он предложил хозяину пойти охотиться на тигра.

Хозяин дома как раз намеревался купить шкуру тигра, чтоб положить перед камином, и предложение попугая пришлось очень кстати. Он пошел в дом, взял ружье и вместе с Педрито отправился в Парагвай. Они решили: как только Педрито увидит тигра, он примется отвлекать его своей болтовней, пока охотник не подойдет на нужное расстояние.

Так и случилось. Попугай, сидя на ветке, болтал себе и болтал, а сам озирался по сторонам, не видно ли тигра. Наконец он услышал треск ломающихся веток и внезапно увидел два устремленных на него из-под дерева зеленых огня,— это были глаза тигра.

Тогда попугай начал кричать:

— Хор-р-роший вечер!.. Хор-р-роша кар-ртошка!.. Хор-р-роший чай, хорошо молочко!.. Хочешь чашку чаю?..

Тигр очень обозлился, узнав плешивого попугая, которого давно считал мертвым и у которого, оказывается, выросли новые, такие красивые перья; он поклялся, что на этот раз попугай от него живым не уйдет, и в глазах его сверкнули гневные молнии, когда он хрипло прорычал:

— *Под-ле-ти-ка бли-же! Ну-ка!*

Попугай перелетел на другую ветку поближе, продолжая без умолку болтать:

— Хороший хлеб, хорошо молочко!.. Он под этим деревом!..

Услышав последние слова попугая, тигр взревел и одним прыжком поднялся с земли.

— *С кем ты говоришь?* — прорычал он.— *Кому ты сказал, что я здесь, под этим деревом?*

— Никому, никому! — ответил попугай.— Добрый день, Педрито... Здравствуй, дур-рачок!..

И он продолжал болтать и прыгать с ветки на ветку, все приближаясь к тигру. Однако слова «он под этим деревом» попугай сказал, чтоб предупредить охотника, который приближался крадучись, с ружьем на плече.

И вот настал момент, когда попугай не смог приблизиться еще больше, а та бы он обязательно попал к тигру в лапы. И тогда он закричал:

— Хороша картошка!.. Осторожнее!

— *Под-ле-ти еще бли-же!* — проревел тигр, припав к земле и готовясь к прыжку.

— Хороший чай, хорошо молочко!.. Осторожно! Он сейчас прыгнет!

И действительно, тигр прыгнул. Он прыгнул так высоко, что попугай избежал его когтей лишь потому, что стрелой взмыл в воздух. И в тот же самый миг охотник, который целился, уперев ствол ружья в раз-

вилину какого-то дерева, спустил курок — и тигр, издав такой страшный рев, что весь лес содрогнулся, рухнул на землю.

Попугай даже закричал от радости, что ему удалось отомстить гадкому тигру, который выдрал у него все перья.

Охотник же был доволен, что у него теперь есть тигровая шкура, которую можно положить у камина в столовой.

Когда они вернулись домой, все узнали, почему Педрито так долго скрывался в дупле, и принялись хвалить его за храбрый поступок.

С тех пор все зажили очень счастливо. Но попугай не забыл истории с тигром, и каждый вечер, являясь в столовую пить чай с молоком, он подбегал к тигровой шкуре у камина и приглашал и ее к столу.

— Хор-р-роша кар-ртошка!..— говорил он тигровой шкуре.— Хор-роший чай. хочешь чаю?.. Дайте тигру кар-р-ртошки...

И все помирали со смеху. И Педрито вместе со всеми.

ВОЙНА КРОКОДИЛОВ

В одной пустынной местности, где не ступала нога человека, текла большая река, а в той реке водилось много крокодилов. Было их там больше ста, а может, и больше тысячи. Они питались рыбой, иногда поедали животных, приходивших к реке на водопой, но в основном они питались рыбой. После обеда они отдыхали на песке побережья, а иногда, когда всходила полная луна, играли в зеленой воде.

Жили они очень спокойно и счастливо. Но вот как-то под вечер, когда все отдыхали после сытного обеда, один крокодил вдруг проснулся и поднял голову, потому что ему показалось, что он слышит шум. Он прислушался. И правда: откуда-то издалека слышался глухой шум. Крокодил разбудил другого, спавшего рядом с ним.

— Проснись,— сказал он ему.— Мы в опасности.

— А что? — спросил другой, встревожившись.

— Не знаю,— ответил крокодил, который проснулся первым.— Я слышу какой-то незнакомый шум.

Второй крокодил тоже услышал шум, и оба сразу же разбудили остальных. Все перепугались и стали бегать взад-вперед, подняв хвосты.

И волновались они не зря, потому что шум становился все громче

и громче. Вскоре они увидели вдали какое-то облачко дыма и услышали странный звук *хлюп-хлюп*, словно что-то далеко-далеко шлепало по воде.

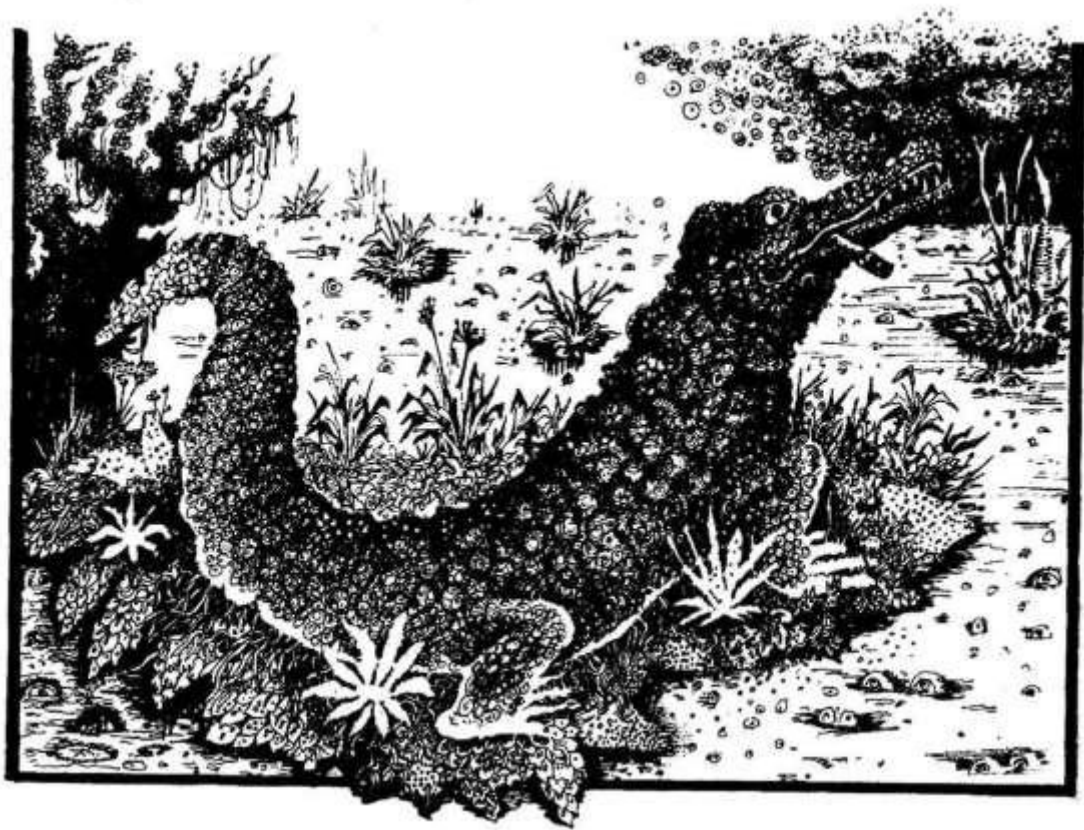
Крокодилы переглянулись. Что бы это могло быть?

Но один крокодил, старый и мудрый, самый старый и самый мудрый из всех, старый крокодил, у которого во рту осталось только два зуба и который некогда совершил длинное путешествие до самого моря, вдруг сказал:

— Я знаю, что это такое! Это — кит. Они огромные и выбрасывают столб белой воды из носа, а потом она падает назад.

Услышав это, маленькие крокодильчики страшно перетрусили и подняли дикий крик. Они ныряли вниз головой и вопили:

— Это кит! Вон плывет кит!

Но старый крокодил дернул за хвост крокодилчика, находящегося ближе к нему.

— Не бойтесь! — крикнул он. — Я знаю, что такое кит! Он сам нас боится! Он всегда всех боится!

Тогда маленькие крокодилчики успокоились. Но они тут же перепугались снова, потому что серый дым превратился вдруг в черный и все услышали громкое *хлюп-хлюп-хлюп* по воде. Крокодилы, вконец испугавшись, мгновенно погрузились в реку, так что на поверхности остались лишь глаза и кончик носа. И они увидели, как мимо них проплыло что-то огромное, окутанное дымом и шлепающее по воде, а было это не что иное, как колесный пароход, который впервые плыл по этой реке.

Пароход приплыл, проплыл и уплыл. Тогда крокодилы стали выплывать на поверхность, ругая старика крокодила за то, что он их обманул, выдумав какого-то кита.

— Это не кит! — кричали они ему в самые уши, потому что старик был глуховат. — Что же это такое плыло?

Старый крокодил объяснил, что это был пароход, набитый огнем, и что все крокодилы умрут, если он еще будет здесь плавать.

Но крокодилы стали смеяться над ним, думая, что старик сошел с ума. Почему они умрут, если пароход будет здесь плавать? Нет, бедный старик положительно рехнулся.

И так как все проголодались, то принялись искать рыбу. Но ни одной рыбины они не нашли. Ни одной! Вся рыба ушла, испугавшись шума парохода. Не было больше рыбы.

— Ну что я говорил! — сказал старый крокодил. — Нам теперь нечего есть. Вся рыба ушла. Подождем до завтра. Может быть, пароход больше не вернется, а рыба вернется, когда нечего будет бояться.

Но на следующий день они снова услышали шум на реке, еще более сильный, чем вчера, и увидели, как прошел пароход, выпуская столько дыма, что все небо почернело.

— Ну что ж, — сказали тогда крокодилы, — пароход прошел вчера, прошел сегодня и пройдет завтра. Рыбы больше не будет, и звери не придут на водопой, а мы умрем с голоду. Так что давайте построим плотину.

— Да! Плотину! Плотину! — закричали все, быстро плывя к берегу, — Давайте построим плотину!

И крокодилы тут же начали строить плотину. Сначала отправились в лес и свалили более десяти тысяч деревьев — самых крепких пород. Потом разрезали их своими хвостами, так как на хвостах у этих крокодилов растут маленькие пилки; потом подтащили, толкая, к берегу и, столкнув в воду, вбили, как сваи, во всю ширину реки на расстоянии метра друг от друга. Ни один корабль не смог бы пройти через эту плотину, ни большой, ни маленький. Теперь крокодилы были уверены, что никто уже не осмелится распугивать рыбу. И так как они очень устали, то тут же на берегу и улеглись спать.

На следующее утро, когда они еще спали, снова послышалось *хлюп-хлюп-хлюп* и показался пароход. Все слышали, но никто не поднял головы и даже не приоткрыл глаз. Какое им было дело до парохода? Пускай шумит сколько хочет: здесь ему все равно не пройти.

И в самом деле, пароход даже не подплыл к плотине, а остановился вдалеке. Люди с палубы долго разглядывали в подзорную трубу странное сооружение, пересекавшее реку, и наконец спустили шлюпку, чтоб разведать, что же это такое. Тогда крокодилы поднялись, скользнули в воду и направились к плотине и, просунув головы между сваями, стали смеяться, радуясь тому, как ловко провели своего врага.

Шлюпка подплыла, но при виде гигантской плотины, построенной крокодилами, тотчас же вернулась обратно. Но вскоре показалась снова, и люди, сидевшие в ней, закричали:

— Эй, крокодилы!

— Что скажете? — отвечали крокодилы, просовывая головы между сваями.

— Нам это мешает! — крикнули люди.

— Понятно!

— Мы не можем проехать!

— Прекрасно!

— Разберите плотину!

— Не станем.

Люди на шлюпке посовещались между собою и снова закричали:

— Крокодилы!

— Что скажете? — отвечали те.

— Не разберете?

— Нет!

— Значит, скоро увидимся!

— А хоть бы и не скоро!

И шлюпка вернулась на пароход, а крокодилы в бешеном восторге принялись бить хвостами по воде. Ни один пароход больше здесь не пройдет! И у них всегда-всегда будет рыба!

Но на следующий день снова показался пароход, и, когда крокодилы взглянули на него, они онемели от изумления: это был совсем не пароход, это был огромный корабль мышиного цвета, вдвое больше, чем вчерашний пароход. Что же это? Он тоже хочет пройти здесь? Нет, он не пройдет, нет! Ни тот, ни этот и никакой другой!

— Нет, он здесь не пройдет! — закричали крокодилы, бросаясь к плотине и занимая каждый свое место между сваями.

Этот корабль тоже остановился вдалеке и тоже спустил шлюпку, которая подплыла к плотине.

В шлюпке находился офицер и восемь матросов. Офицер закричал:

— Эй, крокодилы!

— Что скажете? — ответили те.

— Не разберете?

— Нет!

— Нет?

— Нет!

— Ладно, — сказал офицер. — Тогда мы пустим в ход пушки и потопим плотину.

— Топите! — отвечали крокодилы.

И шлюпка возвратилась на корабль.

Знаете, этот корабль мышиного цвета был военный корабль, большой броненосец со страшными пушками. Старый мудрый крокодил, тот самый, который когда-то совершил путешествие к морю, вдруг что-то вспомнил и крикнул товарищам:

— Ныряйте! Живо! Это военный корабль! С ним шутки плохи! Ныряйте!

Крокодилы в один миг исчезли под водой, поплыли к берегу и притаились, так что над водой остались только глаза и кончик носа. В этот момент от военного корабля отделилось большое белое облако дыма, раздался ужасный грохот, — и огромный снаряд угодил в самую середину плотины.

Несколько бревен, разбившись на мелкие куски, взлетели в воздух,

и тотчас же с корабля послали еще снаряд, и еще, и еще, и от каждого выстрела разбивалась в щепы и взлетала в воздух часть плотины, и так продолжалось, пока от плотины не осталось и следа! Ни одного бревна, ни одного осколка дерева, ни одного кусочка коры!

Все было уничтожено снарядами. А крокодилы, спрятавшись в воду, так что над водой остались лишь глаза и кончик носа, увидели, как военный корабль, громко гудя, прошел мимо них и скрылся.

Тогда они вылезли на берег и сказали:

— Давайте сделаем другую плотину, еще больше, чем прежняя.

И в этот самый вечер и в эту же самую ночь они построили другую плотину из огромных стволов. Потом, очень усталые, легли спать... и всё еще спали, когда на следующее утро вновь появился военный корабль и шлюпка приблизилась к плотине.

— Эй, крокодилы! — закричал офицер.

— Что скажете? — ответили крокодилы.

— Разберите эту плотину!

— Не станем!

— Мы пустим в ход пушки и эту тоже разобьем!

— Разбейте... коли сумеете!

Крокодилы говорили гордо и свысока, потому что были уверены, что эту новую плотину не разрушить никаким пушкам в мире.

Но через некоторое время корабль снова окутался дымом, и тут же что-то с оглушительным грохотом взорвалось в центре плотины: дело в том, что на этот раз в нее был пущен уже не снаряд, а граната. Граната ударилась о стволы, взорвалась, раскрошила, разбила в щепы огромные бревна. Вторая граната разорвалась рядом с первой, и еще часть плотины взлетела в воздух. И так разрушали плотину, пока от нее ничего не осталось, ничего-ничего. И тогда военный корабль проплыл мимо крокодилов, и видно было, как люди на нем насмехались над ними, прикрывая рот рукою.

— Ну вот,— сказали тогда крокодилы, вылезая из воды,—теперь мы все умрем, потому что корабль теперь будет все время здесь плавать и рыба не вернется.

И все расстроились, потому что маленькие крокодильчики плакали и просили есть.

И тогда старый крокодил сказал:

— Не надо терять надежды. Пойдемте к дядюшке сому. Мы с ним

когда-то вместе совершили путешествие к морю, и у него есть торпеда. Как-то раз, когда два военных корабля затеяли бой, он был поблизости и пригнал сюда торпеду, которая не разорвалась. Надо попросить ее у сома; хотя он на нас, крокодилов, очень обижен, но у него доброе сердце, и он не захочет, чтобы мы все погибли.

Дело в том, что когда-то, много лет назад, крокодилы съели любимого племянника этого сома, и с тех пор старик порвал всякие отношения с крокодилами. Но теперь, несмотря ни на что, они спешно отправились к дядюшке сому, который жил в огромном подводном гроте, врезавшемся в берег реки Параны, и спал всегда возле своей торпеды. Сомы иногда бывают до двух метров длины, и как раз таким хозяин торпеды и был.

— Эй, сом! — крикнули хором крокодилы, собравшись у грота и не отваживаясь войти из-за этой истории с племянничком.

— Кто меня зовет?— спросил сом.

— Это мы, крокодилы!

— Я не имею и не хочу иметь с вами никаких отношений,— отвечал сом очень сердито.

Тогда старый крокодил просунул голову в пещеру и сказал:

— Это я, сом! Я, твой друг, тот самый крокодил, который вместе с тобой отправился когда-то к морю! Помнишь?

Услышав знакомый голос, сом выплыл из пещеры.

— Ах, я тебя не узнал,— сказал он ласково своему старому другу.— Чего ты хочешь?

— Мы пришли просить у тебя торпеду. У нас там военный корабль плавает по нашей реке и пугает рыбу. Военный корабль, понимаешь, броненосец. Мы сделали плотину, он сразу снес половину. Мы сделали еще одну, он и ее пустил ко дну. Рыба ушла, и мы умрем с голоду. Дай нам торпеду, и мы от этого корабля и щепки не оставим.

Сом, услышав это, призадумался. Думал, думал, а потом сказал:

— Ладно, я вам одолжу торпеду, хотя я никогда не забуду, как поступили вы с сыном моего брата. Кто умеет обращаться с торпедой? Никто не умел, и все молчали.

— Хорошо,— произнес сом с гордостью.— У меня-то она взорвется. Я знаю, как с нею обращаться.

И все стали готовиться к путешествию. Крокодилы стали привязывать

себя один к другому: хвост первого — к шее второго, хвост второго — к шее третьего, образовав таким образом длинную цепь протяженностью более ста метров. Огромный сом пустил торпеду по течению, а сам нырнул, поддерживая ее снизу спиной, чтоб лучше держалась на поверхности. И так как лиан, которыми были обвязаны крокодилы, на него не хватило, то он уцепился зубами за хвост последнего крокодила, и так они пустились в путь. Сом поддерживал торпеду, а крокодилы бежали по краю берега и тянули ее за собой. Вверх, вниз, через кучи камней, и всё бегом, увлекая за собой торпеду, которая стремительно рассекала воду, вздымая волны что твой корабль!

На следующий день рано утром они добежали до места, где построили свою последнюю плотину, и тотчас же начали строить другую, еще более крепкую, чем раньше, так как по совету сома установили стволы почти вплотную друг к другу. Это была действительно великолепная плотина!

Не прошло и часа с тех пор, как они воткнули и укрепили последний ствол, а военный корабль уже снова появился, и шлюпка с офицером и восемью матросами опять приблизилась к плотине. Тогда крокодилы вскарабкались по стволам наверх и высунули головы из-за плотины.

— Эй, крокодилы! — закричал офицер.

— Что скажете? — ответили крокодилы.

— Опять плотина?

— Да, опять!

— Разберите ее!

— Ни за что!

— Но разберете?

— Нет!

— Ладно, тогда слушайте, — сказал офицер, — Мы сейчас уничтожим вашу плотину, а чтобы впредь вы не вздумали строить другую, наши пушки уничтожат и вас самих. И никто из вас не останется в живых: ни большие, ни маленькие, ни толстые, ни тощие, ни молодые, ни старые, как тот вот дряхлый крокодил, которого я вижу вон там и у которого во рту торчат всего два зуба.

Старый мудрый крокодил, поняв, что офицер говорит о нем и насмехается над ним, сказал:

— Это правда, зубов у меня осталось мало, да и те плохие. Но

знаете ли вы, кого я завтра съем этими зубами? — прибавил он, открывая свою огромную пасть.

— Кого же ты съешь? Ну-ка? — спросили матросы.

— Этого офицеришку! — ответил крокодил и быстро спрыгнул со своего ствола в воду.

Между тем сом поместил свою торпеду как раз посередь плотины, приказав четырем крокодилам осторожно взять ее, погрузить в воду и держать там, пока он не подаст знака. Так и сделали. Сразу же остальные крокодилы тоже погрузились в воду недалеко от берега, так что над водой остались только глаза и кончик носа. А уж сом погрузился рядом со своей торпедой.

И вот военный корабль окутался дымом и дал первый залп по плотине. Граната разорвалась в самом центре плотины, и с полдюжины бревен разлетелось на тысячи кусков.

Но сом не дремал, и, как только в плотине образовалась брешь, он закричал крокодилам, державшим под водой торпеду:

— Отпускайте ее. живо отпускайте!

Крокодилы отпустили, и торпеда всплыла на поверхность.

Скорее, чем сказка сказывается, дядюшка сом поместил торпеду в самой середине пробитой бреши, прицелился одним глазом и, включив механизм торпеды, пустил ее прямо на корабль.

Вовремя!

С броненосца уже прозвучал второй залп, и снаряд вот-вот готов был разорваться среди бревен, чтоб разбить в щепы еще часть плотины.

Но торпеда уже неслась к кораблю, и люди с палубы заметили ее, вернее, увидели дорожку, которую она оставляла за собой на воде. Все громко закричали от страха и хотели повернуть броненосец так, чтобы торпеда не попала в него.

Но было уже поздно: торпеда подлетела, ударилась в самую середину огромного корабля и взорвалась.

Невозможно описать страшный грохот, с каким взорвалась торпеда. Она взорвалась и разнесла корабль на пятнадцать тысяч кусков; полетели в воздух, на сотни метров вокруг, трубы, машины, пушки, шлюпки и все остальное.

Крокодилы испустили победный клич и как бешеные бросились к плотине. Оттуда они увидели через пробитую снарядам брешь, как

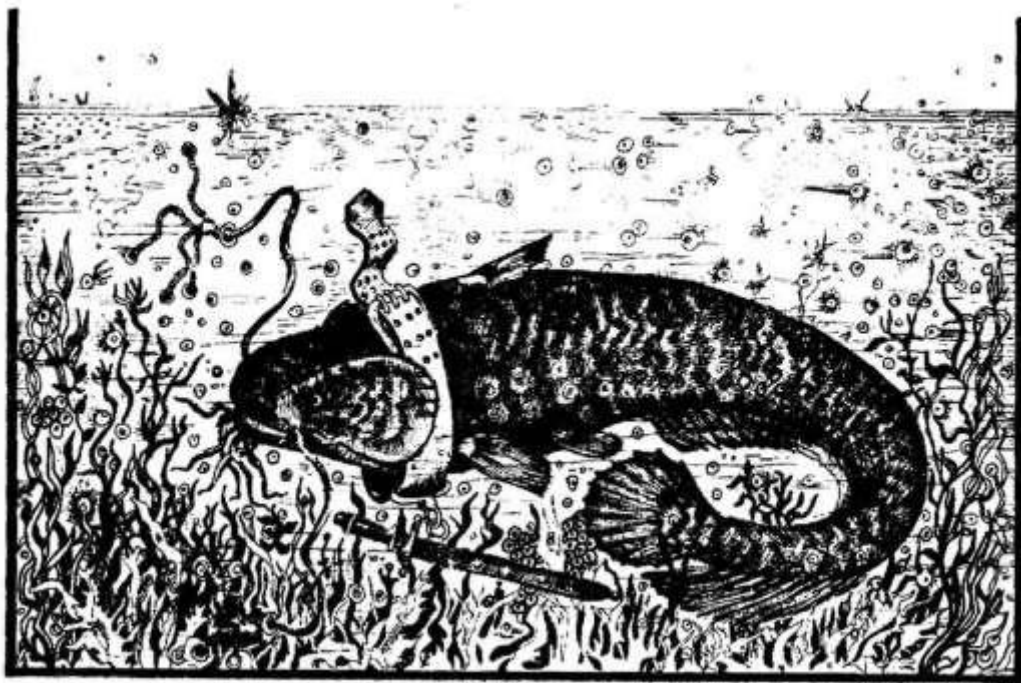
по реке, уносимые течением, плыли люди среди обломков большого корабля.

Крокодилы сгруппировались на двух уцелевших бревнах по обе стороны плотины и, когда люди проплывали мимо, прикрывали рот лапой, насмехаясь над ними. Нападать на людей они не собирались, хотя считали, что люди вполне это заслужили. Только когда мимо плыл человек с золотыми галунами на мундире, старый крокодил одним прыжком бросился в воду и... крак! — шелкнул два раза пастью и проглотил его.

— Кто был этот дядя? — спросил какой-то наивный крокодилыч.

— Офицер, — ответил сом. — Мой старый друг обещал ему, что съест его, и съел.

Крокодилы разобрали остатки плотины, которая теперь была уже не нужна, потому что кто же сюда пойдет? Дядюшка сом, которому очень уж приглянулся пояс и позументы офицера, попросил, чтоб их отдали ему, и пришлось вытаскивать их из пасти старого крокодила, потому что они застряли у старика в зубах. Сом продел пояс под плавники и

застегнул его у себя на животе, потом завязал на концах своих длинных усов обрывки золотого шнура от офицерской шпаги. А так как кожа у сома очень красивая, с темными пятнами, совсем как у змеи, то он и принялся плавать взад-вперед перед крокодилами, которые битый час смотрели на него, открыв пасти от восхищения.

Затем крокодилы проводили его до грота и без конца благодарили. А потом вернулись домой. Вскоре вернулась и рыба. И крокодилы зажили счастливо, и сейчас еще живут счастливо, потому что в конце концов привыкли к пароходам и кораблям, которые возят по реке апельсины.

Но они и знать ничего не хотят о военных кораблях.

СЛЕПАЯ ЛАНЬ

Жила-была когда-то олениха. или. вернее лань, у которой родилась двойня, что у ланей случается редко. Сынка съела дикая кошка, и в живых осталась только маленькая дочка. Все лани сильно полюбили ее, и им очень нравилось щекотать ей бока.

Мать заставляла ее каждое утро, на рассвете, повторять олени заповеди. В них говорилось:

Надо хорошенько обнюхать листья, прежде чем их есть, потому что некоторые из них ядовитые.

Надо как следует осмотреть реку и немного постоять неподвижно, прежде чем спуститься к водою, чтобы быть уверенной, что поблизости нет крокодилов.

Каждые полчаса надо высоко подымать голову и нюхать ветер, чтобы почуять запах тигра.

Когда ешь траву, надо все время осматривать ее, чтоб узнать, нет ли тут змей.

Эти заповеди необходимо помнить всем маленьким оленям. И когда маленькая лань выучила их, мать стала пускать ее гулять одну.

И вот как-то под вечер, когда маленькая лань бродила по лесу, поедая нежные листочки, она вдруг увидела перед собой в дупле сгнившего дерева множество каких-то странных, висевших гроздьями шариков. Они были черные, как грифельная доска.

Что бы это могло быть? Лань немножко испугалась, но, так как была большая озорница, боднула странные гроздья и стремглав бросилась бежать.

Обернувшись, она увидела, что шарики лопнули и из них что-то закапало. А ещё выползло множество мушек золотистого цвета, с тоненькой талией, которые торопливо и озабоченно забегали туда-сюда.

Лань подошла поближе, и мушки не тронули ее. Тогда осторожно, очень осторожно она попробовала одну из капелек кончиком языка и с удовольствием облизнулась: капельки оказались медом, и притом очень вкусным, потому что шарики темного цвета были не что иное, как соты, принадлежавшие маленьким пчелкам, которые не жалили, потому что у них не было жала. Есть такие.

В две минуты малютка съела весь мед и, не помня себя от радости, побежала к маме — рассказать обо всем. Но мама строго отчитала ее.

— Будь как можно осторожней, дочка,— сказала она.— Мед — очень вкусная вещь, но доставать его из сот очень опасно. Пчелиные гнезда лучше не трогать.

Но маленькая лань радостно кричала:

— Да они не кусаются, мамочка! Кусаются только слепни и клещи, а пчелы — нет.

— Ты ошибаешься, дочь моя,— возразила мать.— Сегодня тебе просто повезло. Есть очень нехорошие пчелы и осы. Будь осторожней, дочка, не то я буду очень беспокоиться.

— Хорошо, мама, хорошо! — ответила маленькая лань.

Но на следующий день она с самого утра побежала по тропкам, протоптанным в лесной чаще людьми, думая, что так легче отыщет пчелиные гнезда.

Наконец она нашла одно гнездо. На этот раз пчелы в гнезде были темного цвета с желтой полоской по талии. Они озабоченно сновали поверх гнезда. Само гнездо тоже было другое. Но маленькая лань подумала: «Раз пчелы крупнее, значит, мед вкуснее».

Вспомнила она всё же мамини советы, но решила, что ее мама преувеличивает, потому что оленьи мамы всегда всё преувеличивают. И она с силой боднула гнездо.

Ох, лучше б она не делала этого! Тотчас же тысячи ос вылетели из гнезда, облепили ее и стали кусать ей морду, ноги, все тело. Их жала

вонзались в голову, в живот, в хвост — повсюду, повсюду... Но хуже всего было то, что осы жалили ее в глаза. Более десяти ос на ее глаза накинлось.

Маленькая лань, обезумев от боли, с громким криком бросилась бежать и все бежала и бежала, пока наконец не остановилась, ничего вокруг не различая: она ослепла, совсем, совсем ослепла. Веки ее страшно распухли, глаза страшно резало, она ничего не видела. Дрожа от страха и боли, она стояла неподвижно и могла только безутешно всхлипывать:

— Мама!.. Мама!..

Мать, которая уже отправилась на поиски своей дочки, потому что та очень задержалась, наконец отыскала ее и пришла в отчаяние, увидев, что ее малютка ослепла. Она осторожно повела ее домой, и, пока они

шли, голова маленькой лани лежала на шее матери, и все звери, попадавшиеся им по дороге, подходили и с грустью смотрели в слепые глаза маленькой лани.

Мать не знала, что делать. Чем вылечить дочь? Но она слышала, что в селенье за лесом живет человек, который умеет лечить и у которого много лекарств. Этот человек был охотник и иногда подстреливал и ланей, но вообще он был очень добрый.

Мать сначала боялась вести дочь к человеку, который охотится на ланей. Однако отчаяние заставило ее решиться. Но прежде чем отправиться к охотнику, она задумала попросить рекомендательное письмо у муравьеда, который слыл большим другом человека.

И вскоре, оставив маленькую лань в надежном месте, она уже бежала через лес. чудом не попав в лапы тигру.

Добежав до жилища своего приятеля, она от усталости не могла больше ни шагу сделать.

Этим приятелем, как уже говорилось, был муравьед, но не обычный, а особой породы, муравьед-карлик, ростом с белочку. На нем была желтая шубка, а поверх желтой шубки — черная жилетка с двумя лямками на плечах. Хвост у таких муравьедов очень цепкий, потому что живут они больше на ветках деревьев и любят проводить время висая вниз головой на хвосте.

Почему возникла тесная дружба между муравьедом и охотником? Никто в лесу этого не знал. Подружились, и всё!

Итак, бедная мать подбежала к жилищу муравьеда.

Хук-тук-тук... — постучала она, задыхаясь от быстрого бега.

— Кто там? — спросил муравьед.

— Это я, лань!

— Ах, вот как! Чего ты хочешь, лань?

— Я пришла просить вас, не напишете ли записочку охотнику. Моя дочь, маленькая лань, ослепла.

— Ах, маленькая лань? — отозвался муравьед. — Хороший ребенок. Для нее охотно. Только писать ничего не нужно... Покажите охотнику вот это, и он вас примет.

И концом хвоста муравьед протянул лани сухую змеиную голову, совсем сухую, но с сохранившимися ядовитыми зубами.

— Покажите ему это, — повторил отважный маленький охотник за муравьями. — Больше ничего не требуется.

— Спасибо, дорогой муравьед! — сказала лань, очень довольная. — Вы тоже очень хороший!

И она поспешно убежала, потому что была уже глубокая ночь и близились утро.

Она забежала к себе, захватила дочку, которая не переставала тихонько стонать, и они вместе добрались до селенья, где им пришлось идти очень медленно, прижимаясь к стенам, чтобы собаки не почували их.

И вот они уже у двери охотничьей хижины.

Тук-тук-тук! — постучали они.

— Кто там? — раздался из-за двери человеческий голос.

— Это мы, лани!.. *Мы принесли змеиную голову.*

Мать поторопилась сообщить об этом охотнику, чтобы он знал, что они — приятельницы муравьеда.

— Ах, так. — сказал человек, открывая им. — Что же у вас случилось?

— Мы пришли просить, чтоб вы вылечили мою дочь, маленькую лань, — она ослепла.

И мать рассказала охотнику всю историю с осами.

— Гм!.. Ну, посмотрим, что за болезнь у этой сеньориты, — сказал охотник.

И, вернувшись в хижину, вынес оттуда высокий стульчик и посадил на него маленькую лань так, чтобы он мог, не очень нагибаясь, видеть ее глаза. Он долго рассматривал их через большое круглое стекло, а бедная мама светила ему, повесив фонарь себе на шею.

— Ничего страшного, — сказал наконец охотник, помогая малютке слезть со стула. — Но надо запастись терпением. На ночь прикладывайте ей к глазам эту мазь и двадцать дней держите ее в темноте. А потом наденьте ей эти желтые очки, и она вылечится.

— Большое вам спасибо, охотник! — сказала радостно лань. — Как мне вас благодарить?

— Пустяки, — ответил, улыбаясь, охотник. — Только остерегайтесь собак: тут поблизости живет человек, собаки которого специально обучены травить оленей.

Лани очень испугались. На обратном пути они шли осторожно, едва касаясь земли и останавливаясь на каждом шагу. Но, несмотря на это, собаки почували их и гнали добрую милю по лесу. Мать и дочь

бежали по широкой-широкой просеке, и маленькая лань бежала впереди и громко плакала.

Лечение проводилось, как велел охотник. Но только одна старая лань знала, каких усилий ей стоило удержать свою маленькую дочку в большом дупле старого дерева целых двадцать бесконечных дней. В дупле было темным-темно. Но вот однажды утром мать отодвинула рогами большую кучу веток, которыми прикрывала дупло, чтоб туда не проникал свет, и маленькая лань, в своих желтых очках, выскочила наружу, громко крича:

— Я вижу, мама! Я все вижу!..

А лань, прислонившись головой к какой-то ветке, плакала от радости, видя свою доченьку опять здоровой.

Маленькая лань совсем вылечилась. Но, бодрая, здоровая и довольная, она порою глубоко задумывалась: одна тайная мысль не давала ей покоя. А мысль была вот такая: ей во что бы то ни стало хотелось сделать что-нибудь приятное человеку, который был так добр к ней, а что, она не знала. И это огорчало ее.

Наконец она кое-что придумала. Она долго бродила по берегам озерец, по болотам и заводям и набрала красивый букет из перьев цапель, чтоб подарить охотнику. А охотник, в своем селенье, тоже вспоминал иногда маленькую слепую лань, которую он вылечил.

И вот как-то раз дождливым вечером охотник сидел в своей хижине и читал. Он был в хорошем настроении, так как только что починил соломенную крышу, и она больше не протекала. Вдруг он услышал стук и, открыв дверь, увидел маленькую лань, которая держала в зубах пучок мокрых перьев цапли.

Охотник засмеялся, а маленькая лань, подумав, что охотник смеется над ее жалким подарком, ушла грустная и пристыженная. Тогда она набрала очень больших перьев, совсем сухих и чистых, и через неделю опять пришла к охотнику. И на этот раз охотник, который в тот раз засмеялся от радости, уже не смеялся, боясь обидеть маленькую лань, не понявшую его. Зато он подарил ей туесок, доверху наполненный медом, и малютка приняла его с безумным удовольствием и тут же принялась лизать сладкий мед.

С тех пор охотник и маленькая лань стали большими друзьями. Она все время старалась приносить ему самые красивые перья цапель и часами просиживала в хижине, беседуя с ним. Он же всегда ставил

ей на стол муравленую плошку с медом и пододвигал для своей приятельницы высокий стульчик. Иногда он давал ей и сигары, которые лани едят с большим удовольствием и безо всякого вреда для здоровья. Так проводили они время, глядя на веселый огонь очага, меж тем как за окном ревел ветер и дождь стучал в соломенную крышу.

Боясь собак, маленькая лань приходила к охотнику только вечером и только в бурю. И когда спускались сумерки и начинал накрапывать дождь, охотник ставил на стол большую плошку с медом и клал возле салфетку, а сам пил кофе и читал, поглядывая на дверь, в ожидании, когда раздастся знакомое «тук-тук» и на пороге появится его маленькая приятельница-лань.

СКАЗКА ПРО ЕНОТИКОВ

Жила-была енотиха с тремя маленькими детками. Все они жили в густом лесу и питались плодами, кореньями и птичьими яичками. А когда малыши, сидя на дереве, слышали шум, они бросались вниз головой на землю и спасались бегством, подняв кверху хвостики.

Когда енотики немного подросли, мать как-то раз собрала их на апельсинном дереве и сказала им так:

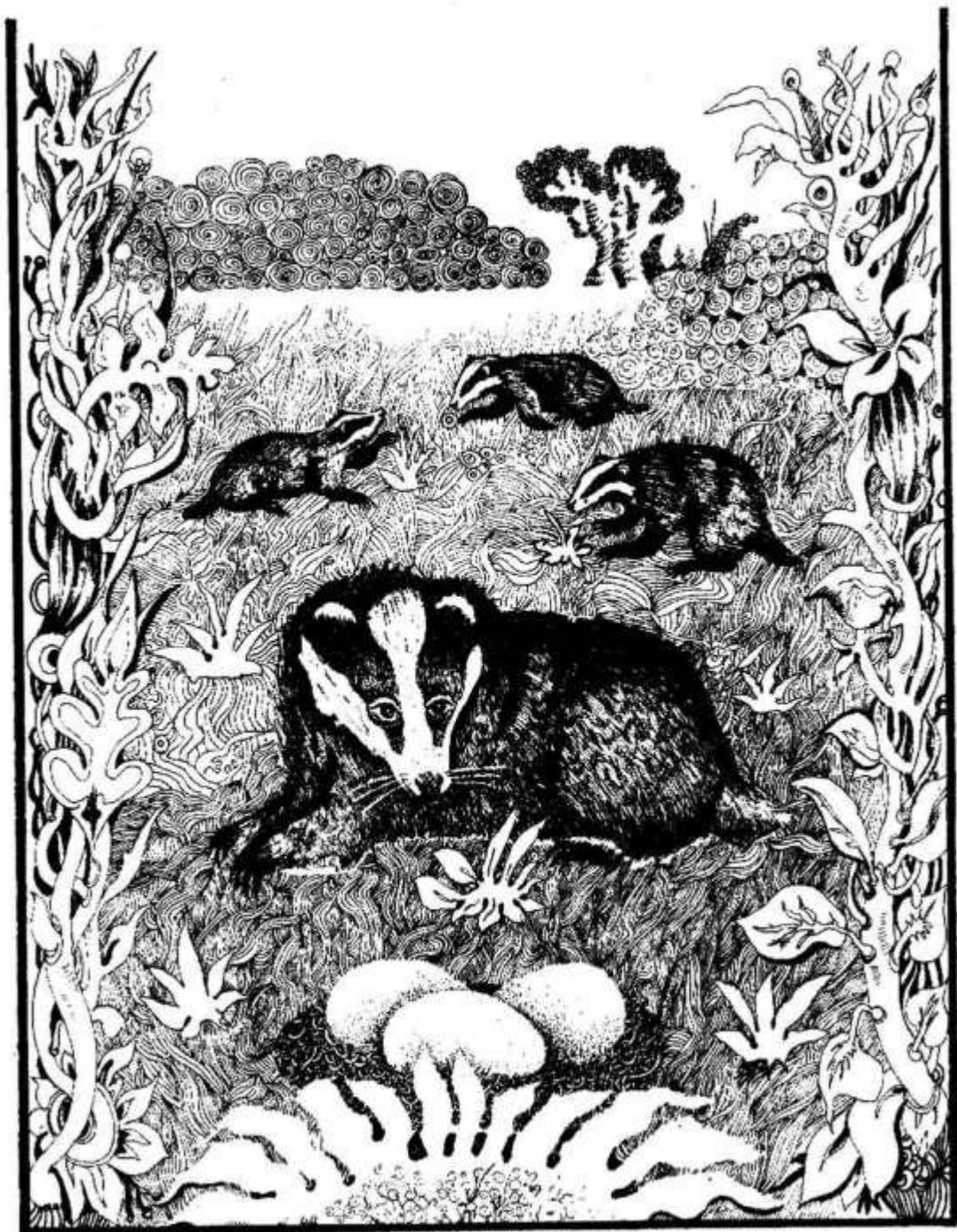
— Енотики, вы уже достаточно большие, чтоб самим добывать себе пищу. Вы должны научиться этому сейчас, потому что, когда вы станете старыми, вы будете бродить поодиночке, как все еноты.

Старший из вас, большой охотник ловить жуков, найдет их среди палых веток, где водится много жучков и букашек.

Средний, любитель полакомиться фруктами, найдет их вон в той апельсинной рощице,—до декабря месяца там будут апельсины.

Младший, который не ест ничего, кроме птичьих яичек, может идти куда угодно, потому что где угодно есть птичьи гнезда. Только пусть никогда не ищет их в открытом поле — там опасно!

Енотики, есть одна вещь на свете, которой вы должны очень бояться. Это — собаки. Я однажды отбивалась от них и знаю, что говорю. С тех пор у меня вот этот зуб сломан. Следом за собаками всегда идут люди и несут с собой большой шум, который убивает. Как только вы услышите поблизости большой шум, бросайтесь вниз головой с дерева, какое бы

высокое оно ни было. Если вы этого не сделаете, вас наверняка убьют.

Так говорила мать-енотиха. А потом все спустились с дерева и разбрелись, продолжая свой путь поодиночке, косою походочкой вправо-влево, словно разыскивая что-то на земле,—так ходят все еноты.

Старший, который любил ловить жучков, поискал их среди гнилушек и опавших листьев и нашел столько, что ел, пока не заснул.

Средний, который предпочитал фрукты любому другому кушанью, вдоволь наелся апельсинов, потому что в провинции Мисьонес апельсиновые рощи попадают в самой глуши лесов, и люди не заходят туда.

Младший, который обожал птичьи яички, бродил целый день и нашел всего два гнездышка: одно — тукана (в нем было три яичка), а другое — дикого голубя (в нем было только два). Всего пять маленьких яичек! Разве этим наешься? Поэтому, когда наступил вечер, енотик был так же голоден, как и утром. Он печально уселся на опушке леса, откуда было видно поле, и вспомнил предостережения матери.

«Почему мама не хочет, чтоб я искал птичьи гнезда в поле? — подумал енотик.—Почему?..»

Так размышлял он, как вдруг услышал где-то не очень далеко пение какой-то птицы.

— Как громко поет! — воскликнул он с восхищением.— Наверно, в гнезде у этой птицы — большие яички.

Птица снова запела, и тогда енотик пустился бегом через лес, все направо, потому что пение раздавалось откуда-то сбоку.

Солнце уже садилось, но енотик все бежал, подняв кверху хвостик. Он достиг опушки леса и очутился в открытом поле. Вглядевшись, он различил вдалеке жилище людей и человека в высоких сапогах, который вел на веревке лошадь. А еще он увидел птицу, очень большую птицу, ту, что пела. И тут енотик ударил себя лапкой по лбу и промолвил:

— Ну и дурак же я! Теперь-то я знаю, что это за птица. Это петух. Мама мне как-то показывала его с верхушки дерева. У петухов прекрасный голос и много кур, которые несут яички. Эх, если бы я только мог попробовать куриные яички!..

Всем известно, что ничего так не нравится маленьким лесным зверькам, как куриные яйца. Снова припомнились енотику предостережения

мамы, но он думал о них только одну минуту. Желание полакомиться куриными яйцами пересилило все, и енотик уселся на опушке леса ждать, когда совсем стемнеет, чтобы отправиться в курятник.

Ночь спустилась наконец, и енотик тихонько, на цыпочках пошел по направлению к дому людей. Подошел и внимательно прислушался: совсем тихо, ни малейшего шороха. Енотик, вне себя от радости, готовясь съесть сто, тысячу, две тысячи яичек, вошел в курятник и первое, что он увидел, было куриное яйцо — большое, великолепное куриное яйцо, которое лежало у самого входа. Енотик думал было оставить его «на потом», на сладкое,—уж очень большое яйцо,—но тут у него слюнки потекли, и он вонзил в яйцо свои острые зубы. Но едва успел он надкусить скорлупу, как — трах! — страшный удар по носу — и ужасная боль во всей мордочке.

— Мама, мама! — закричал он, обезумев от боли, прыгая во все стороны. Но что-то держало его крепко. И тут он услышал хриплый лай собаки.

Пока енотик ожидал на опушке леса наступления ночи, чтобы отправиться в курятник, человек, который жил в домике, играл на лугу со своими детьми, двумя светловолосыми малышами пяти и шести лет, которые, смеясь, бегали взапуски, падали, снова, смеясь, поднимались и снова падали. Отец тоже падал, и малыши были в восторге. Но вот они наконец прекратили игру, так как было уже темно, и отец сказал своим детям:

— Я пойду поставлю капкан, чтобы в него попала ласка, которая приходит таскать цыплят и куриные яйца.

Он пошел и поставил капкан. Потом все поужинали и легли спать. Но детям не спалось, они скакали с одной кровати на другую, путаясь в своих длинных рубашонках. Отец читал, сидя в столовой, и не обращал на них внимания. Но вдруг дети перестали скакать и закричали:

— Папа! Ласка попала в капкан! Слышишь, как лает Туке? Папа, мы тоже хотим пойти посмотреть!

Отец согласился взять их с собой, но с условием, что они наденут сандалии,— он никогда не разрешал им ходить ночью босиком, так как боялся, что их ужалит змея.

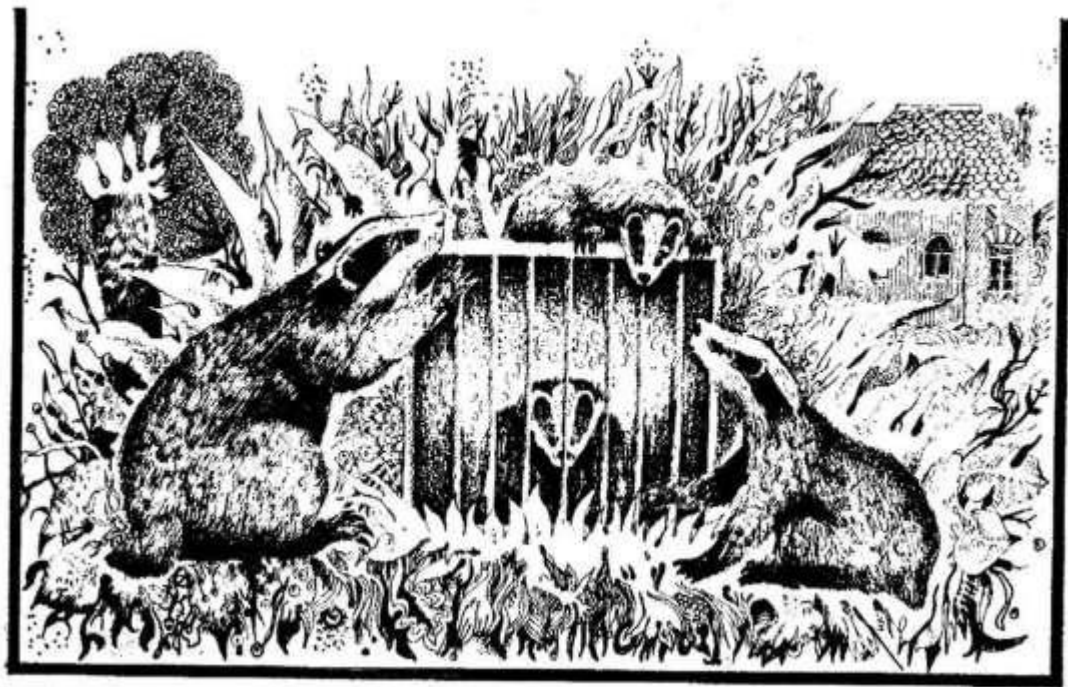
Малыши пошли. И что ж они увидели? Они увидели, как отец, наклонившись, одной рукой сдерживает собаку, а другой поднимает за хвост крохотного зверька, который пронзительно визжит, вернее, верещит, как сверчок.

— Папа, не убивай его! — закричали ребята. — Он еще совсем малюсенький. Отдай его нам.

— Хорошо, я отдам его вам, — согласился отец. — Но только ухаживайте за ним хорошенько, и главное — не забывайте, что звери пьют воду, как и мы с вами.

Отец сказал это потому, что однажды он принес ребятам детеныша дикой кошки, и они все время кормили его мясом, которое таскали из холодильника, а воды ему дать забывали, так что в конце концов он подох.

Итак, дети посадили нашего енотика в ту самую клетку рядом с курятником, в которой жила когда-то маленькая дикая кошка, и снова пошли спать.

Далеко за полночь, когда кругом стояла полная тишина, бедный енотик, которого сильно поранило защелкой капкана, увидел при свете луны три тени, осторожно крадущиеся к его клетке. Сердце енотика радостно запрыгало, когда он узнал свою мать и двух братишек, разыскивающих его.

— Мама, мама! — запищал пленник тихим голосом, стараясь не производить шума. — Я здесь, вытащите меня отсюда! Я не хочу оставаться здесь. Ма-ма... — И он безутешно заплакал.

Но, несмотря ни на что, пушистая семья очень радовалась, потому что все были вместе и могли ласково тыкаться друг в друга мордочками. Тут же было решено приняться за освобождение пленника. Сначала они пробовали прокусить металлическую сетку, и все вчетвером долго и усердно работали зубами; но из этого ничего не вышло. Тогда мамаше пришла в голову счастливая мысль! И она сказала:

— Пойдемте искать инструменты, которые есть у людей. Этими инструментами люди режут железо. Они называют их напильниками. У них, говорят, три бока, как у гремучей змеи. Их надо толкать взад-вперед. Пойдемте поищем!

Побежали в мастерскую человека и вернулись с напильником. Считая, что одному не под силу поднять такую тяжесть, все трое ухватились за напильник и принялись за работу. Они пилили так усердно, что вся клетка дрожала, стонала и скрипела. Такого шума наделали, что проснулась собака и глухо залаяла. Но еноты не стали ждать, пока собака спросит с них отчет за столь скандальное поведение, и, бросив напильник, во всю прыть понеслись в сторону леса.

На следующий день дети встали рано и направились посмотреть на своего нового гостя, а гость сидел грустный-прегрустный.

— А как мы его назовем? — спросила девочка у брата.

— Я знаю, — ответил мальчик. — Назовем его Семнадцать!

Почему «Семнадцать»? Еще ни одного лесного зверька никогда не называли таким странным именем. Но мальчик учился считать и, вероятно, как раз дошел до семнадцати.

И енотика назвали Семнадцать. Дети принесли ему хлеба, винограда, шоколада, мяса, кузнечиков и яиц, вкуснейших куриных яиц. За один день енотик так привязался к детям, что уже к вечеру позволял им чесать себя за ухом. Дети были так искренне довольны, так ласковы с ним, что енотик, когда наступила ночь, почти примирился со своим

пленом. Он не переставал думать о тех вкусных вещах, которые завтра можно будет съесть, и с нежностью вспоминал о светловолосых человечьих детенышах, таких веселых и добрых.

Две ночи подряд собака спала так близко к клетке пленника, что родичи его не решались приблизиться, хоть и очень волновались. А когда на третью ночь они снова пришли к клетке и стали искать, напильник, чтобы освободить енотика, он сказал им:

— Мама, я не хочу уходить отсюда. Меня тут кормят куриными яичками и очень хорошо со мной обращаются. Сегодня мне сказали, что если я буду хорошо себя вести, мне скоро позволят бегать где хочу. Человечьи детеныши похожи на наших. Они тоже маленькие, и мы играем вместе.

Дикие еноты сначала сильно опечалились, но потом смирились, обещав енотику каждую ночь навещать его.

И действительно, каждую ночь, в дождь и в ведро, мать и братья приходили навещать пленника. Енотик просовывал им сквозь проволоку кусочки хлеба, и дикие родственники усаживались перед клеткой поесть.

Прошло полмесяца, и енотик уже гулял на воле, а на ночь сам возвращался в клетку. Все шло замечательно, если не считать, что его несколько раз оттащали за уши за то, что прогуливается слишком близко от курятника. Енотик и дети очень любили друг друга, и даже дикие еноты, увидев, какие хорошие эти человечьи детеныши, нежно полюбили их.

Но вот как-то раз в темную-претемную ночь, когда было очень жарко и гроыхал гром, пришли дикие еноты, стали кликать енотика, но им никто не ответил.

Они с тревогой приблизились к клетке и чуть не наступили на огромную змею, свернувшуюся клубком у самого входа. Они сразу догадались, что змея ужалила енотика, когда он входил к себе, и что он не откликнулся на их зов, потому что, возможно, уже мертв. О, они отомстят за него!

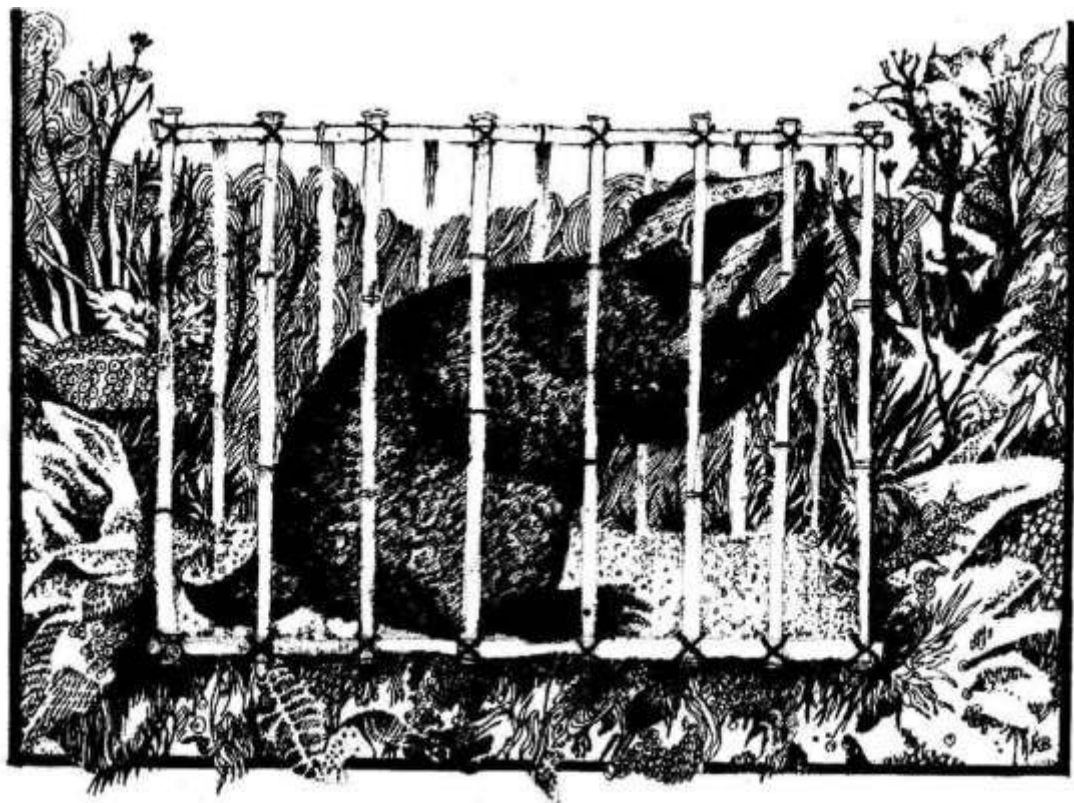
В одну секунду они свели с ума гремучую змею, прыгая туда-сюда перед ее глазами, а в следующую секунду втроем напали на нее и убили.

Потом они подбежали к клетке: там, вытянувшись, лежал их енотик, весь распухший, с дрожащими лапками, и умирал. Напрасно они его

толкали, напрасно облизывали целых полчаса. Енотик вздохнул в последний раз и умер.

Вообще еноты не очень чувствительны к змеиному яду, но нашего змея, наверно, укусила прямо в вену, поэтому он так быстро и умер. Увидев, что их малыш больше не шевелится, мать и братья горько-горько заплакали, и плакали долго. Затем они тихонько вышли из клетки, так как там им уже нечего было делать, в последний раз обошли вокруг дома, где так счастливо жил их енотик, и скрылись в лесу.

Но, возвращаясь в лес, семья была очень озабочена; всех занимала одна мысль: что скажут человечьи детеныши, когда на следующее утро увидят своего дорогого друга мертвым? Они ведь так любили его! Пушистая семья очень жалела светловолосых малышей.

Держали совет и наконец решили, как помочь горю: средний брат, который похож на младшего и наружностью и манерами, должен занять место погибшего. Поскольку они многое знали из рассказов енотика о его друзьях-людях, то сделают все возможное, чтобы дети не заметили подмены. Ну, может, удивятся пару раз чему-нибудь, но не больше...

Сказано — сделано. Средний брат остался в клетке, а мать со старшим вернулись в лес, унося с собой умершего. Они шли медленно, и голова бедняжки, свесившись, болталась в разные стороны, а хвостик волочился по земле.

На следующий день дети действительно удивились немного поведением своего друга, но, видя, что он такой же добрый и ласковый, как всегда, ничего не заподозрили.

Они по-прежнему зажили дружно, а дикие еноты продолжали приходить каждую ночь навещать своего малыша. Все садились рядом, и он угощал их крутыми яичками, а они рассказывали ему лесные новости.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ЯБЕБИРИ

В реке Ябебири, которая протекает в провинции Мисьонес, водится множество скатов. Их здесь так много, что иногда опасно ступить даже одной ногой в воду. У меня был знакомый, которого скат укусил в пятку, и ему потом пришлось плестись полверсты, прихрамывая, чтоб добраться до дому: он шел и плакал от боли, несколько раз чуть не упал. Боль от укуса ската — наверно, самая сильная на свете.

А так как в Ябебири водится вообще всякая рыба, то многие приходят сюда глушить ее динамитными шашками. Они бросают динамит в реку и убивают тысячи рыб. И все рыбы вокруг умирают, хотя бы они были величиной с дом. Умирают и маленькие рыбки, которые и в уху не годятся.

И вот однажды поселился в тех краях один человек, который не захотел, чтоб в реку бросали динамитные шашки, потому что ему было жаль маленьких рыбок. Пускай ловят рыбу для еды, но зачем миллионам рыбок погибать зря?

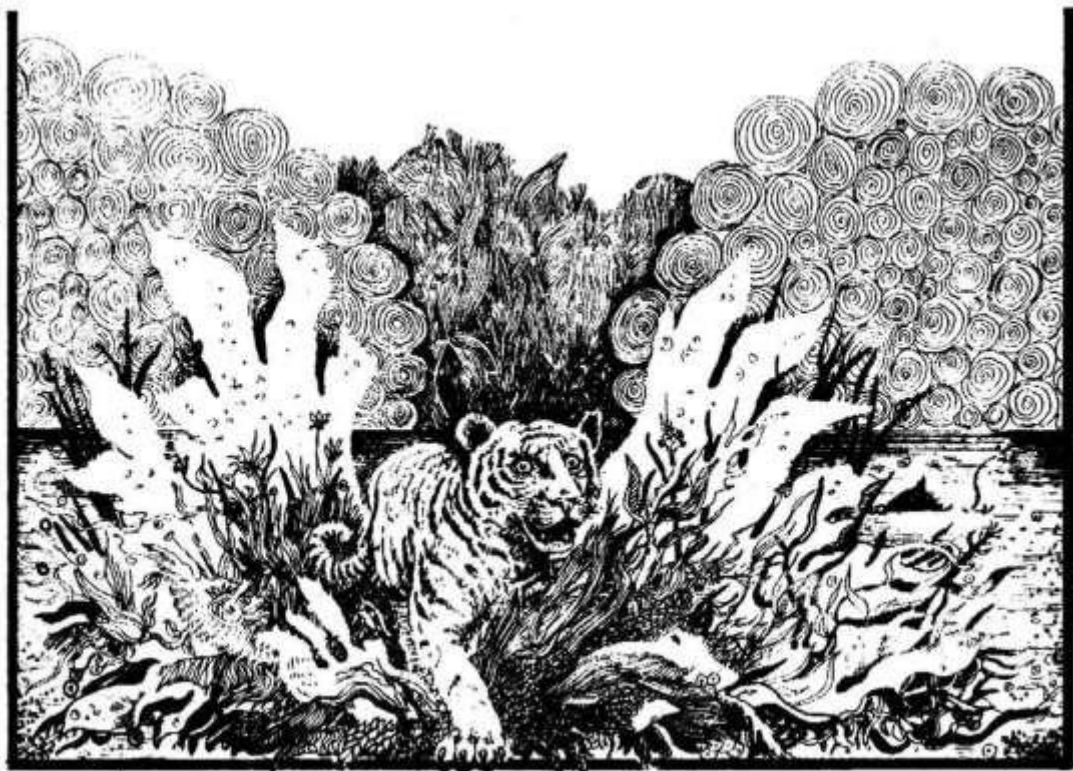
Люди, глушившие рыбу, были очень недовольны, но так как пришелец, несмотря на доброту, отличался твердым характером, им все же пришлось уйти со своими шашками в другое место. И рыбы были этому страшно рады. Они были так рады и так благодарны новому другу за спасение, что узнавали его, как только он приближался к реке. А когда он шел по берегу, покуривая, скаты следовали за ним, баламутя воду у берега и поднимая со дна тучи ила, довольные, что провожают своего друга.

А он и не подозревал, что у него такие провожатые?..

Но вот как-то вечером на берег Ябебири прибежал лис и, ступив лапами в воду, закричал:

— Эй, скаты! Скорее! Сюда идет ваш друг! Он ранен!

Скаты, услышав это, испуганно бросились к берегу и спросили лиса:

— Что случилось? Где человек?

— Вот он идет! — закричал снова лис — Он сражался с тигром! Тигр преследует его! Человек, наверно, хочет добраться до острова! Пропустите его, он добрый!

— Ясно, пропустим! Ясно, пропустим! — ответили скаты. — А вот тигра не пропустим! Отнюдь нет!

— Осторожнее! — крикнул на прощание лис, — Не забудьте, что такое тигр.

И в один прыжок лис скрылся в чаще.

Как только он исчез, на берег, раздвигая ветки кустов, вышел человек. Он был весь в крови, и рубашка на нем разодрана. Кровь струилась у него по лицу, по груди, по ногам и капала на песок. Он, шатаясь, побрел к берегу и вошел в реку. И едва он успел ступить в воду, как скаты, сгрудившиеся у берега, расступились, давая ему дорогу, и, пока человек добирался вброд до острова, ни один из скатов не тронул его.

И едва человек дошел до острова, как упал без чувств на песок, потому что потерял много крови.

Не успели скаты поплакать вволю над своим умирающим другом, как раздался такой ужасный рев, что они даже подпрыгнули в воде.

— Тигр! Тигр! — закричали они в один голос, стремглав бросаясь к берегу.

И действительно, тигр, который сражался с человеком и теперь преследовал его, показался на берегу Ябебири. Зверь тоже был тяжело ранен, и все его тело было в крови. Увидев вдали на острове безжизненно простертого человека, тигр издал яростный рев и бросился в реку, чтобы прикончить его.

Но едва он сунул лапу в воду, как почувствовал, будто в нее вонзилось с дюжину острых гвоздей, и отпрянул назад: это скаты со всей силы вонзили в лапу тигра острые шипы своих хвостов.

Тигр захрипел от боли и поднял в воздух лапу; увидев, что вода у берега мутная, словно кто-то взбудоражил весь ил на дне, он понял, что это скаты, которые не желают его пропустить. И, рассвирепев, закричал:

— А-а! Это вы, проклятые скаты! Убирайтесь прочь!

— Не уберемся! — ответили скаты.

— Убирайтесь!

— Не уберемся! Он хороший! Нельзя убивать его.

— Он ранил меня!

— Ты его тоже! Своди с ним счеты в лесу! А здесь он под нашей защитой!.. Не пройдешь!

— Пропустите!— в последний раз проревел тигр.

— *Ни-ни!*.. — ответили скаты. (Они сказали «ни-ни», потому что так говорят индейцы, живущие в провинции Мисьонес.)

— Погодите же! — проревел тигр и с силой подался назад, готовясь к прыжку.

Тигр знал, что скаты почти всегда держатся у берега, и подумал, что если ему удастся сделать большой прыжок, то на середине реки скаты его не догонят и никто не помешает ему съесть умирающего человека.

Но скаты догадались об этом и помчались на середину реки, передавая друг другу команду.

— Дальше от берега! — кричали они под водой.— По течению! На стрежень! На стрежень!

И в один миг целая армия скатов устремилась вдаль по реке, в то время как тигр сделал огромный прыжок и упал в воду. Он был вне себя от восторга, так как в первый момент не почувствовал никаких укусов и подумал, что скаты остались у берега и ему удалось обмануть их.

Но не успел он и шагу сделать, как целый дождь игл вонзился в него; тигр взвыл от боли и завертелся на месте — скаты были тут как тут...

Он все же попытался двинуться дальше, но боль была так нестерпима, что он взвыл и бросился обратно к берегу. Там он упал на бок, задыхаясь: брюхо его подымалось и опускалось, словно он ужасно устал.

А дело в том, что укусы скатов ядовиты, и тигр был отравлен.

Но, победив тигра, скаты не успокоились, потому что боялись, что нагрянет тигрица и другие тигры, и тогда скатам солоно придется.

Действительно, вскоре лес содрогнулся от рева и появилась тигрица, которая обезумела от ярости при виде лежащего на боку тигра. Она увидела мутную воду, поняла, что там скаты, и подошла к реке. И, почти касаясь воды пастью, закричала:

— Эй, скаты! Пропустите меня!

— Не пропустим! — ответили скаты.

— Если не пропустите, здесь не останется ни одного ската с хвостом! — проревела тигрица.

— Лишимся хвостов, но не пропустим! — ответили скаты.

— В последний раз говорю: пропустите!

— *Ни-ни!*.. — прокричали скаты.

Разъяренная тигрица нечаянно ступила в воду, и один из скатов, осторожно приблизившись, со всей силой вонзил ей между пальцев свой шип. Зверь взревел от боли, а скаты, улыбаясь, говорили:

— Кажется, у нас еще есть хвосты!

Но тигрица кое-что задумала, и с этой думой, не говоря ни слова, пошла вдоль берега, вверх по течению реки.

Однако скаты и на сей раз поняли план врага.

А план был такой: переправиться через реку в другом месте, там, где живут другие скаты, которые ничего не знают... И нашими скатами овладело сильное беспокойство.

— Она переплывет реку выше! — кричали они. — Нельзя допустить, чтоб человек погиб! Надо защитить нашего друга!

И они стали так отчаянно барахтаться в иле, что замутили всю воду.

— Что нам делать? — говорили они. — Ведь быстро плавать мы не умеем... И тигрица будет уже на месте, прежде чем тамошние скаты узнают, что надо во что бы то ни стало помешать ей переправиться через реку!

И никто не знал, что делать. И вдруг один очень умный скатик сказал:

— Я придумал! Давайте пошлем туда золотых макрелей. Они наши друзья! Они плавают быстрее всех!

— Правильно! — закричали все. — Давайте пошлем золотых макрелей!

В один миг была подана команда, и в следующий миг целая армия золотых макрелей, образовав восемь или десять рядов, уже плыла с бешеной скоростью вверх по течению, оставляя борозды на воде, подобно торпедам.

Но даже и они с трудом успели — тигрица была уже на середине реки и подплывала к острову. Получив приказ преградить ей путь,

тамошние скаты не стали терять времени и, как только тигрица коснулась дна у пологого берега, напали на нее и стали отчаянно колоть ей лапы своими острыми шипами. Разъяренный и обезумевший от боли зверь ревел, прыгал и бил лапами по воде, поднимая вокруг себя целые тучи брызг. А скаты все нападали и нападали, преграждая тигрице путь, пока она не пустилась вплавь обратно и, как раньше тигр, не упала без сил на песок, подняв в воздух все четыре чудовищно распухшие лапы. И на сей раз не удалось добраться до человека и съесть его.

Однако скаты тоже очень устали. А хуже всего было то, что тигр и тигрица в конце концов все же поднялись и убежали в лес.

Что-то они теперь предпримут? Это очень беспокоило скатов, и они долго совещались между собой. И наконец, сказали:

— Мы знаем, что теперь будет. Они пойдут за другими тиграми и явятся все вместе. И все вместе уж переплывут реку!

— Ни-ни!..—закричали молодые скатики, у которых было еще мало опыта в жизни.

— Переплывут, — печально ответили старики. — Если их будет много, они прорвутся... Давайте посоветуемся с нашим другом.

И все отправились к человеку, потому что, защищая его от тигров, не успели сделать этого раньше.

Человек все еще лежал на песке, так как потерял много крови, но мог уже говорить и немножко шевелиться. В один миг скаты рассказали ему все, что произошло и как они не давали переправиться через реку тиграм, которые хотели его съесть. Раненый человек был очень растроган дружбой скатов, которые спасли ему жизнь, и с искренней нежностью погладил скатов, находившихся ближе всего к нему. И он сказал:

— Ничего не поделаешь. Если тигров будет много и они захотят пройти, то пройдут...

— Не пройдут! — сказали маленькие скаты. — Вы наш друг, и они не пройдут!

— Нет, пройдут дружочки мои! — сказал человек и шепотом добавил: — Единственный выход — послать кого-нибудь ко мне домой, чтоб принес мое охотничье ружье и патроны. Но здесь у меня нет ни одного друга, кроме рыб... А по земле никто из вас ходить не умеет...

— Что же делать? — спросили испуганно скаты.

— Погодите... погодите...— сказал тогда человек и провел рукой по лбу, словно припоминая что-то.—У меня был один друг... водяная свинка-капибара, которая выросла когда-то в моем доме и играла с моими детьми. Однажды она вернулась в лес и, кажется, поселилась где-то здесь, на Ябебири... Но где она сейчас, я не знаю...

Тогда скаты радостно закричали:

— Мы знаем! Мы ее знаем! Она живет на отмели неподалеку! Она рассказывала нам о вас! Мы сейчас пошлем за ней.

Сказано — сделано. Одна из самых больших золотых макрелей ринулась вниз по реке — искать водяную свинку-капибару; а человек между тем зачерпнул воды и, растворив на ладони капельку засохшей крови, сделал чернила; потом вместо пера взял рыбью кость, а вместо бумаги — засохший листик и написал такое письмо: *«Пришлите мне со свинкой ружье и целую коробку патронов, двадцать пять штук»*.

Не успел человек закончить письмо, как вся окрестность содрогнулась от глухого рева: это все тигры, собравшись вместе, приближались к берегу, готовясь к бою. Но скаты, высунув головы из воды и стараясь не замочить драгоценное письмо, уже мчались к свинке, которая, получив его, пустилась напрямик через густые сорняки к дому человека.

Мешкать было нельзя: глухой рев тигров слышался все ближе. Скаты собрали золотых макрелей, ожидавших приказа, и закричали:

— Скорей, подружки! Плывите по всей реке и бейте тревогу! Пусть все скаты по всей реке будут наготове! Пусть все соберутся у острова! Посмотрим, удастся ли тиграм прорваться!

И тотчас же множество золотых макрелей помчалось вверх по течению, вниз по течению, оставляя на воде полосы — так быстро они мчались.

На всей Ябебири не осталось ни одного ската, который не получил бы приказа плыть к острову. Со всех сторон: из-под камней, из ила и тины, из рукавов и притоков, — со всей большой Ябебири спешили к острову скаты, чтобы помешать тиграм переправиться. А возле острова золотые макрели сновали взад-вперед, как молнии.

Снова пора было действовать: страшный рев заставил задрожать даже воду в реке, и тигры разом выскочили из-за кустов.

Их было много: казалось, здесь собрались все тигры, какие только есть в провинции Мисьонес. Однако вся Ябебири уже бурлила от скатов,

которые бросились к берегу, готовые любой ценой помешать их переправе.

— Пропустите! — взревели тигры.

— Не пропустим! — отозвались скаты.

— Пропустите, повторяем!

— Не пропустим, отвечаем!

— Не останется в живых ни одного ската, ни одного сына ската, ни одного внука ската, если не пропустите!

— Может быть,— ответили скаты. — Но ни тигры, ни сыновья тигров, ни внуки тигров, ни все тигры на свете никогда не переправятся через реку!

Так ответили скаты. Тогда тигры проревели в последний раз:

— Пропустите! Немедленно!

— *Ни-ни!..*

И сражение началось...

Гигантскими прыжками тигры бросались в воду и падали на плотный настил из скатов. Скаты вонзали в их лапы свои острые шипы, и при каждом уколе тигры рычали от боли. Но они отчаянно отбивались, размахивая в воде когтистыми лапами. И скаты летели в воздух со вспоротыми животами.

Ябебири обратилась в реку крови. Скаты умирали сотнями, но и тигры получали страшные раны и убегали, чтоб с ревом падать на песок, распухшие, неузнаваемые. Скаты, растоптанные, разорванные когтями тигров, не отступали ни на шаг. Все новые и новые защитники спешили к месту переправы. Некоторые взлетали в воздух и, упав в воду, снова устремлялись против тигров.

Полчаса длилась эта ужасная борьба. А через полчаса все тигры вернулись на берег и, сидя в изнеможении на песке, рычали от боли. Ни одному не удалось достичь острова.

Но и скаты были уже при последнем издыхании. Многие, очень многие погибли. А те, что остались в живых, говорили:

— Вторую такую битву нам не выдержать! Нужно послать золотых макрелей за подкреплением. Пусть сейчас же соберутся скаты со всей Ябебири!

И золотые макрели снова помчались вверх и вниз по реке, оставляя борозды на воде, подобно торпедам.

А скаты отправились к человеку:

- Нам больше не устоять! — печально сказали они ему. И некоторые из скатов даже плакали, видя, что им не удастся спасти друга.

— Скройтесь отсюда, скаты,— сказал раненый человек.— Оставьте меня одного. Вы и так слишком много сделали для меня! Дайте тиграм переправиться!

— *Ни-ни!*..— выкрикнули скаты единым духом.— Пока останется хоть один живой скат в Ябебири, нашей родной реке, мы будем защищать доброго человека, который когда-то защитил нас!

Тогда человек, глубоко тронутый, сказал:

— Скаты! Я почти при смерти, и мне трудно говорить, но обещаю вам, что, как только у меня будет ружье, мы устроим такую потеху, что рассказов хватит на целый год. Это я вам твердо обещаю!

— А как же! — радостно отозвались скаты.

Но они не успели закончить разговор, так как сражение начиналось снова. Тигры, успевшие отдохнуть, вдруг разом вскочили и, пригнувшись, словно готовясь к прыжку, взревели:

— В последний раз и раз навсегда: пропустите!

— *Ни-ни!*..— ответили скаты, устремись к берегу.

Но тигры были уже в воде, и борьба разгорелась с новой силой. Теперь вся Ябебири, от берега до берега, была красна от крови, и кровавая пена кипела на песке побережья. В воздух то и дело взлетали растерзанные скаты, и тигры хрипло ревели от боли. Но ни те, ни другие не отступали ни на шаг.

А тигры не только не отступали, но даже продвигались вперед. Напрасно армии золотых макрелей сновали вниз и вверх по реке, сзывая скатов,— скатов больше не было: половина погибла, а оставшиеся в живых сражались у острова. И те, кто остался в живых, были ранены и совсем выбились из сил.

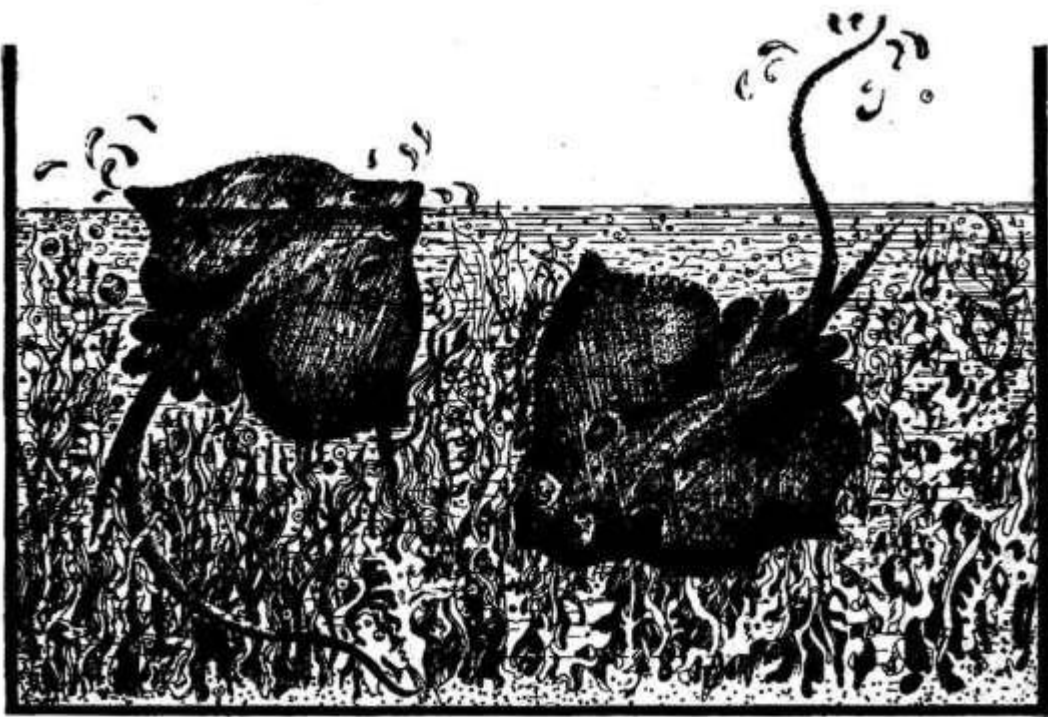
Скаты поняли, что им не продержаться больше ни минуты и тиграм удастся переправиться. И бедные скаты, которые предпочитали скорее умереть, чем выдать своего друга, в последний раз кинулись на тигров. Но все было напрасно. Пять тигров уже плыли по направлению к острову. Скаты в отчаянии кричали:

— К острову! Скорее!

Но опять было поздно. Еще два тигра бросились вплавь, и в одно мгновение все тигры оказались на середине реки, а из воды виднелись только их головы...

Но в это же самое время какой-то толстенький зверек с красновато-коричневой шерсткой, изо всех сил работая лапами, плыл через Ябебири; это была свинка-капибара, спешившая к острову с ружьем и пулями. А чтобы ружье и пули не намокли, свинка несла их на голове. Человек закричал от радости, поняв, что еще успеет помочь скатам. Он попросил свинку, чтоб она подтолкнула его головой и повернула на бок, потому что сам уже не мог, и, лежа на боку, зарядил ружье с быстротою молнии.

И в тот момент, когда разорванные, раздавленные, окровавленные скаты уже считали, что сражение проиграно, и ждали, что вот сейчас тигры сожрут их бедного друга,— в этот самый момент они услышали какой-то треск и увидели, что тигр, который шел впереди и уже ступил на песок, вдруг высоко подскочил и упал мертвым с раздробленной головой.

— Ура, ура! — закричали скаты в бешеном восторге.— У человека уже есть ружье. Мы спасены!

И они замутили всю воду, потому что были просто вне себя от радости.

А человек спокойно продолжал стрелять, и с каждым выстрелом падал мертвым новый тигр. И как только новый тигр падал мертвым, скаты восторженно били хвостами по воде.

Один за другим, словно сраженные молнией, падали тигры под выстрелами человека. Все это длилось не больше двух минут. Один за другим тигры шли ко дну и попадали на обед к зубастым рыбам пираньям. Некоторые всплывали потом на поверхность, и золотые макрели провожали их до самой реки Параны, поднимая целые тучи брызг от удовольствия.

Очень скоро скаты, у которых обычно бывает много детей, снова заселили реку. Человек вылечился и был так благодарен скатам, которые спасли ему жизнь, что перешел жить на остров. И там в летние ночи он любил лежать на берегу, покуривая при свете луны, а скаты, тихонько перешептываясь, показывали его тем рыбам, которые его не знали, и рассказывали им о великой победе, которую они одержали вместе с этим человеком в сражении против тигров.

ЛЕНИВАЯ ПЧЕЛА

Жила-была в одном улье пчела, которая не любила работать. Она летала с дерева на дерево, собирала цветочный сок, но, вместо того чтобы делать из него мед, лакомилась сама.

Это, понимаете ли, была ленивая пчела. Каждое утро, едва проглянет солнышко, наша пчелка высовывалась из летка и. удостоверившись, что погода хорошая, прихорашивалась, терла голову лапками, как это делают мухи, и отправлялась на прогулку, радуясь погожему дню. Она жужжала, замирая от восторга, и без усталости порхала с цветка на цветок, возвращалась в улей, опять вылетала и так проводила целый день, пока другие пчелы без отдыха трудились, наполняя соты медом, потому что мед — это пища для маленьких пчелок, только что родившихся на свет.

Но так как пчелы — народ серьезный, они стали скоро сердиться на ленивицу сестрицу за ее постоянные прогулки.

В улье, возле летка, всегда копошатся несколько пчел, которые охраняют свой дом от других насекомых. Это обычно самые старые, опытные, мудрые пчелы, и спинка у них всегда вытерта, потому что они потеряли все свои волоски, влезая в улей и вылезая из него через леток.

И вот однажды пчелы-сторожа задержали ленивую пчелу, когда она хотела влезть в улей, и сказали ей:

— Послушай, подружка, ты тоже должна работать, ибо все пчелы всегда работают.

Пчелка отвечала:

— Я целый день летаю и устаю до невозможности.

— Надо, чтоб ты не уставала до невозможности,— ответили ей,— а по возможности работала. Это тебе наше первое предупреждение.

И, сказав так, пчелы пропустили ее в улей.

Но ленивая пчела продолжала вести себя по-прежнему. Оттого-то пчелы-сторожа на следующий день сказали ей:

— Надо работать, сестра.

И она тут же ответила:

— На днях обязательно начну.

— Надо, чтоб ты начала не на днях,—отвечали ей сторожа.— а завтра же. И смотри не забывай об этом.

И они пропустили ее в улей.

На следующий день, под вечер, повторилось то же самое. Но прежде чем ей успели что-либо сказать, пчелка воскликнула:

— Да, да сестрички, я помню, что обещала.

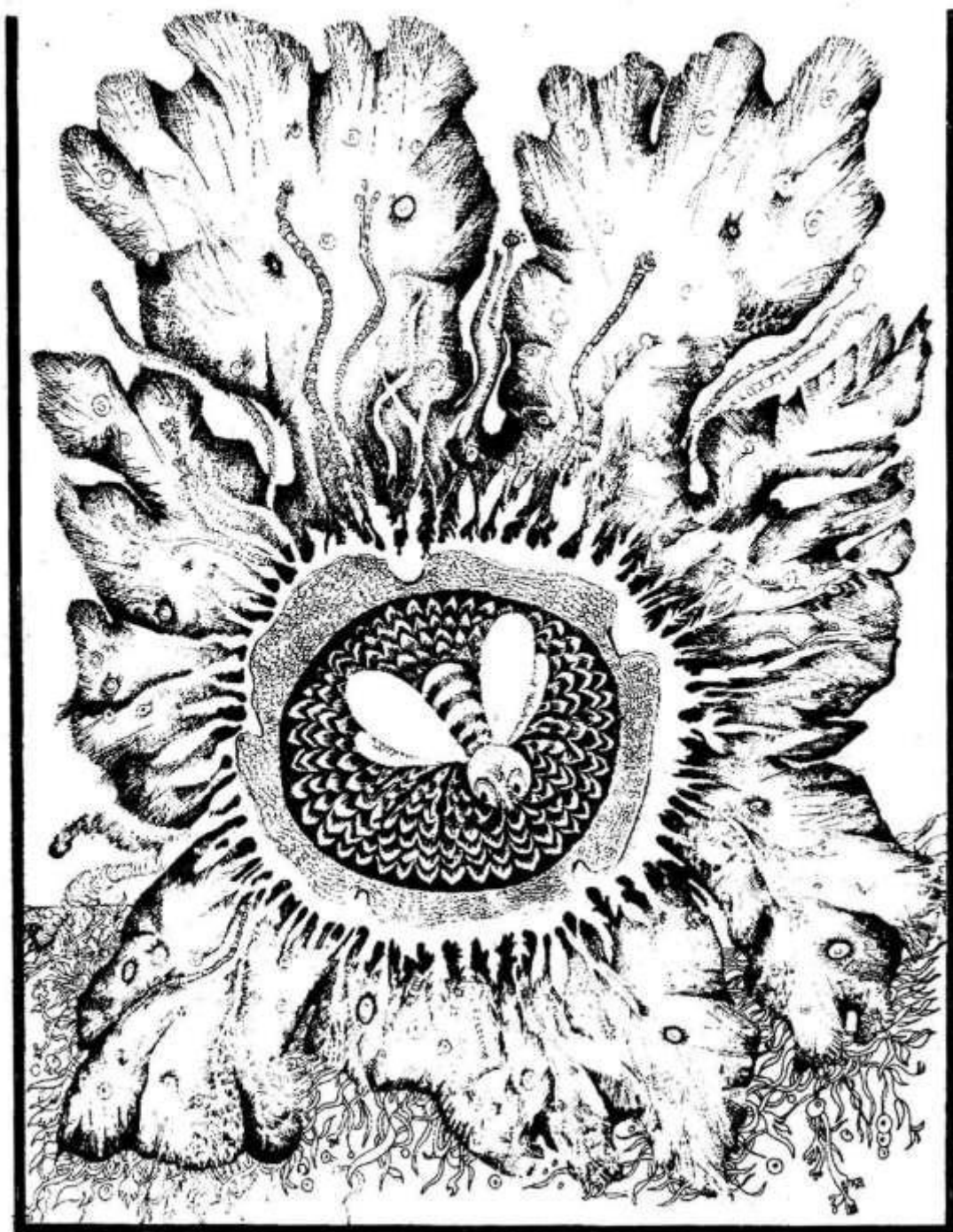
— Надо, чтоб ты не только помнила,—отвечали ей.— но выполнила то, что обещала. Сегодня девятнадцатое апреля. Ну так вот, завтра, двадцатого, ты должна принести хотя бы капельку меда. А сейчас проходи.

Говоря так, пчелы отползли в сторону и неохотно пропустили ее в улей.

Но следующий день прошел так же, как и другие дни, с той только разницей, что на закате погода испортилась и подул холодный ветер.

Ленивая пчелка поспешила к своему улью, размышляя о том, как,

должно быть, тепло и уютно дома. Но когда она захотела влезть в улей, пчелы-сторожа не пустили ее.

— Нельзя,— сказали они ей холодно.

— Я хочу домой! — воскликнула пчелка.— Это мой улей!

— Нет. этот улей принадлежит бедным пчелам-труженицам.— отвечали ей сторожа.— Лентяек сюда не пускают.

— Я обязательно начну завтра работать! — настаивала пчелка.

— Нет завтра для тех, кто не работает,— отвечали ей пчелы, которые всегда любят философствовать.

И, говоря это, они вытолкнули ее вон.

Пчелка, не зная, что ей делать, полетала еще немного; но ночь уже наступила и кругом стало темным-темно. Она хотела уцепиться за листик, но упала на землю. Она вся окоченела от холода и уже больше не могла летать.

Ползая по земле, карабкаясь по палочкам, по камешкам, которые казались ей горами, она добралась наконец до улья — как раз в ту минуту, когда упали первые холодные капли дождя.

— Боже мой! — воскликнула бесприютная странница.— Начинается дождь, и я умру от холода.

И она попыталась пролезть в улей. Но ей снова преградили путь.

— Простите меня! — стонала пчелка.— Пустите меня домой!

— Поздно,—отвечали ей.

— Сестрицы, пожалуйста! Я хочу спать!

— Слишком поздно!

— Подружки, сжальтесь! Мне холодно!

— Невозможно!

— Умоляю! Не то я умру!

На это ей ответили:

— Нет, ты не умрешь. Но ты за одну ночь узнаешь, что значит отдых, заслуженный трудом. Уходи.

И ее выгнали.

Дрожа от холода, опустив промокшие крылышки, потащилась, спотыкаясь, наша пчелка сама не зная куда; она ползла, ползла и вдруг провалилась в какую-то пещеру.

Она падала, падала, и ей казалось, что она никогда не остановится. Наконец она упала на дно и внезапно очутилась перед змеей, зеленой

змеей с буро-красными пятнами на спине, которая, свернувшись в клубок, смотрела на нее, готовая наброситься.

Пещера, в которую свалилась ленивая пчела, была на самом деле не пещера, как она подумала, а яма, оставшаяся от дерева, которое давно пересадили. Здесь и жила змея,

Змеи едят пчел, это даже их лакомое блюдо,— вот почему наша пчелка, увидев перед собой врага, закрыла от ужаса глаза и прошептала:

— Прощай, моя жизнь! В последний раз я вижу белый свет.

Но к ее великому удивлению, змея не только не съела ее, а, напротив, заговорила с нею.

— Как поживаешь, пчелка? — спросила змея. — Ты, верно, не

очень-то любишь работать, если попала сюда в такой поздний час.

— Да, ты угадала,— промолвила ленивица,— я не работаю, и я сама во всем виновата.

— Ну, в таком случае,— прошипела насмешливо змея,— я избавлю землю от такой гадкой твари, как ты: я съем тебя, пчела.

Тогда пчелка, дрожа всем телом, вскричала:

— Это будет несправедливо, совсем несправедливо! Вы хотите съесть меня только потому, что вы сильнее. Вот люди знают, что такое справедливость...

— Ах, ах! — проговорила змея, быстро сворачиваясь.— Ты так хорошо знаешь людей? И ты утверждаешь, будто люди, которые отбирают у вас мед, более справедливы, чем я? Ах ты дура!

— Не в этом дело,— возразила пчёлка.

— А в чем же?

— В том, что они умнее нас,— так сказала пчелка.

Но змея развеселилась и воскликнула:

— Ладно! Справедливо или нет, а я тебя съем. Приготовься.

И змея откинулась назад, чтоб броситься на пчелу.

Но пчелка воскликнула:

— Вы делаете это потому, что я умнее вас!

— Умнее меня? Ах ты, соплячка,— рассердилась змея.

— Да, умнее,— повторила пчела.

— Ладно,— сказала змея,— посмотрим, кто из нас умнее. Это еще надо доказать. Давай обе сделаем что-нибудь необыкновенное. Кто сделает самое необыкновенное, тот выигрывает. Если выиграю я, я тебя съем.

— А если выиграю я? — спросила пчёлка.

— Если выиграешь ты,—проговорила ее противница.—я разрешу тебе провести здесь всю ночь, до рассвета. Подойдет?

— Согласна,— ответила пчела.

Змея снова развеселилась — она придумала хитрую проделку, да такую, что пчеле никогда в жизни не повторить.

Что же она придумала? А вот что: в мгновение ока выползла она наружу и, прежде чем пчела успела опомниться, вернулась с коробочкой эвкалипта, сорванной с того самого дерева, в тени которого стоял улей.

Из таких коробочек мальчишки делают волчки и называют их «эвкалиптовыми».

— Вот что я сейчас сделаю,—сказала змея,—Смотри внимательно! — И, быстро обкрутив коробочку хвостом, словно веревкой, она с такой силой раскрутила ее, что новый эвкалиптовый волчок зажужжал и затанцевал как бешеный.

Змея торжествовала, потому что ни одна пчела ни за что в жизни не заставит волчок так вот плясать. Но когда волчок стал клониться набок, а потом и вовсе упал, пчела сказала:

— Очень ловко! Я, конечно, не смогу этого сделать.

— Тогда я тебя съем! — воскликнула змея.

— Минутку! Я не смогу сделать этого, но я сделаю такое, чего никто не может.

— Что же?

— Исчезну.

— Как так? — воскликнула змея, подскочив от удивления. — Исчезнешь, не выходя отсюда?

— Да, не выходя отсюда.

— И не зарывшись в землю?

— И не зарывшись в землю.

— Ну что ж, давай! Если не сделаешь, я сразу тебя съем,—сказала змея.

Дело в том, что пока волчок кружился, пчела успела осмотреть всю яму и заметила в углу одно растение. Это был маленький кустик, вернее, даже не кустик, а травка с большими листьями.

Пчела подползла к этой травке, стараясь не дотронуться до нее, и сказала:

— Теперь моя очередь, сеньора Змея. Будьте любезны, отвернитесь и сосчитайте до трех. Как только скажете «три», ищите меня повсюду. Меня не будет!

Так и случилось. Змея быстро пробормотала: «Раз, два, три..» — обернулась и широко разинула пасть от удивления: в яме никого не было. Она посмотрела вверх, вниз, вправо, влево, обшарила все уголки, осмотрела травку, пощупала языком все вокруг. Напрасно: пчела исчезла.

Тогда змея поняла, что хотя ее проделка с волчком была ловкой, но пчелкина загадка позаковыристей. Что она сделала? Где спряталась? Не угадаешь!

— Ладно,—проговорила наконец змея.— Сдаюсь. Где ты?

И тогда откуда-то из глубины раздался тоненький, едва слышный голосок — это был пчелкин голосок.

— А ты мне ничего не сделаешь? — спрашивал голосок.—Клянешься?

— Клянусь! — ответила змея.—Где ты?

— Здесь,—откликнулась пчелка, внезапно появляясь из свернутого сумочкой листика.

Что же произошло? А очень просто. Травка, в которой пряталась пчелка, называется «недотрогой». Здесь, в Буэнос-Айресе, она тоже растет. Листики ее свертываются от малейшего прикосновения. А то, что мы рассказываем, происходило в провинции Мисьонес, где очень богатая растительность, и потому листочки у недотроги очень крупные. И вот когда пчелка прикоснулась к недотроге, листики сомкнулись, скрыв нашу приятельницу от глаз врага.

Змея была ненаблюдательна и не обратила внимания на это свойство травки-недотроги; но умная пчелка давно уже знала его и теперь воспользовалась им, чтоб спасти свою жизнь.

Змея ничего не сказала, но была так раздосадована своим поражением, что бедной пчелке много раз за ночь пришлось напомнить ей о ее клятве.

Наступила длинная, бесконечная ночь, которую обе провели, забившись в самый дальний угол, потому что разразилась сильная гроза и вода рекой текла в яму. Было очень холодно и темно, хоть глаз выколи. Змея то и дело чувствовала желание броситься на пчелу, и та каждый раз, как это замечала, думала, что теперь-то уж ей конец пришел.

Никогда в жизни не думала пчелка, что ночь может быть такой холодной, такой длинной, такой страшной. С тоской вспоминала она о своей былой жизни, о том, как сладко спалось ей в теплом улье, и тихонько плакала.

Когда наступил день и выглянуло солнышко, пчелка вылетела из ямы и снова залилась слезами, подлетев к своему улью, где так усердно трудились все ее родичи.

Пчелы-сторожа, не говоря ни слова, пропустили ее, потому что поняли, что она возвратилась уже не гулякой и бездельницей, но мудрой пчелой, за одну ночь получившей суровый урок жизни.

Так оно и было. После этой ночи никто из улья не собирал столько пыльцы с цветов и не вырабатывал столько меда.

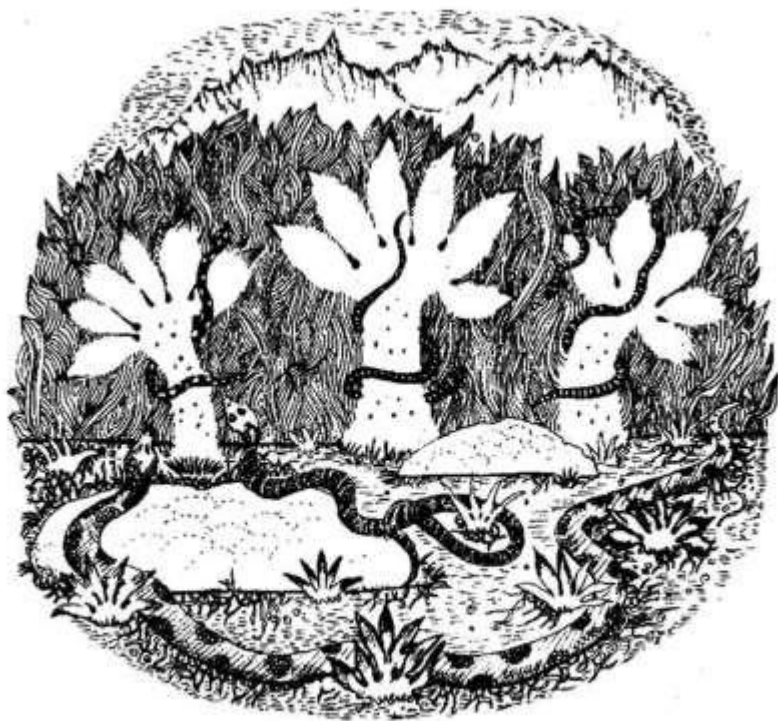
А когда наступила осень, а с ней и конец её жизни, наша пчелка выбрала свободную минутку, чтоб перед смертью сделать последнее наставление молодым, окружавшим ее:

— Не столько наш ум, сколько наш труд делают нас сильными. Мне один раз понадобился весь мой ум — когда была в опасности моя жизнь. Но мне не пришлось бы тогда так напрягать его, если бы я трудилась, как все. Я уставала не меньше, летая целый день без дела, чем если б работала. Мне тогда не хватало сознания своего долга, и я приобрела его в ту памятную ночь.

Трудитесь, подружки, думая о том, что цель, к какой стремятся наши усилия,— счастье всех — превыше усталости каждого в отдельности. Люди называют это устремление Идеалом, и они правы. Не должно быть иной философии ни в жизни человека, ни в жизни пчелы.

АНАКОНДА

I

Десять вечера; душно и жарко. Пасмурный воздух висит над сельвой — ни дуновенья. Угольное небо прогрохочет время от времени, надтреснутое молнией от края и до края горизонта — но свистящий ливень Юга еще не близок.

По заросшей тропе, в белоцветье испанского дрока, движется Копьеголовая, лениво и медленно, как все Гадюковые. Это красавица змея, длиной в полтора метра, и черные зубцы на ее боках уложены аккуратно, пилочкой, — чешуя в чешую. Она продвигается, осторожно ощупывая землю перед собою языком, который всем ее родичам служит не хуже, чем нам пальцы. Она охотится...

Приблизясь к месту, где одна тропа встречается с другой, она задержалась, долго и старательно сворачивая свое тело, еще минутку подвигалась, приноравливаясь, и, опустив голову на свои кольца, прижалась к ним подбородком и стала ждать.

Минута, за ней другая, третья... она прождала пять часов. И в начале шестого часа оставалась все так же недвижна. Дурная ночь! Уж скоро вспыхнет рассвет, и она собралась было в обратный путь, но внезапно передумала... На свинцовом небе востока вырезалась гигантская тень.

«Приблизиться бы к Дому, — сказала сама себе Копьеголовая. — Уж сколько дней слышу шум... какой-то... Тут осторожность нужна...»

И направилась к гигантской тени — с осторожностью.

Дом, чья близость смутила Копьеголовую, представлял собою старинное одноэтажное строение, обнесенное галереей и выбеленное. Вокруг возвышались два-три небольших барака. Дом пустовал, казалось, извечно... А сейчас вырывались из него какие-то странные шумы, удары

чем-то железным... и вроде бы лошадиное ржанье — в общем, то, что за версту выдавало пришествие Человека. Вот незадача... Беда...

Но необходимо, однако, лично убедиться... И Копьеголовой привелось убедиться много раньше, чем хотелось бы самой.

Непреложный звук донесся до ее ушей: дверь отворилась. Змея вздернула голову и, покуда вглядывалась в холодный рыжий проблеск на горизонте, предвещающий рассвет, заметила узкую тень, высокую и плотную, которая надвигалась на нее. Услышала она и шум шагов — удары крепкие, ровные, такие невыносимо чуждые, — которые, тоже за версту, предупреждали о приближении врага.

«Человек!» — задрожала Копьеголовая.

И, быстрая, как молния, свернулась и напряглась, ожидая.

И вот уже тень надвинулась на нее. Огромная стопа тяжело упала возле, и змея, во всем неистовстве броска, могущего стоить ей жизни, метнула голову в то, что рядом, и резко вобрала назад, вернувшись в прежнее положение.

Человек остановился: он почувствовал, что об его высокие сапоги словно ударились что-то. Оглядел, даже и не ступив ни шагу, густые дикие травы вокруг, но не заметил ничего во тьме, едва пробиваемой зыбким рождением дня, и продолжал свой путь.

Но Копьеголовая поняла, что Дом начинает, на сей раз реально и неопровержимо, Человечью жизнь. И она печально заскользила назад, в свою нору, унося с собой убежденность в том, что этот ночной случай явился не чем иным, как началом трагедии, которая в скором времени развернется в ее родных местах.

II

Назавтра, едва пробудившись, Копьеголовая задумалась об опасности, грозящей из-за близости Человека ее обширному Семейству. Человек и Гибель извечно составляют одно для всего Племени Животного. А для Змеиногo ужас катастрофы несут с собой два издавна знакомых чудища: острый тесак, снующий повсюду, ворошащий само чрево леса, и огонь, вмиг поглощающий, целую чащобу, а с нею — самые сокровенные норы.

Нужно было предотвратить беду. Копьеголовая дождалась темноты, чтоб начать свои действия. Без особого труда нашла двух сообщниц,

сразу же и забивших тревогу. Она же, в свою очередь, сумела побывать в целом ряде мест — тех, какие сочла самыми подходящими для нужных встреч,— и так в этом преуспела, что уже к двум часам пополудни Змеиное Собирище если и не досчитывалось еще кого-то, во всяком случае, было представлено числом родов и видов достаточным, чтоб обдумать, как быть дальше.

Внизу каменистого откоса, метров в пять вышины, в самой что ни на есть чаще, была одна пещера, полускрытая густым папоротником, почти загородившим вход. Она давно уж служила логовом Лютой — гремучей змее, древнейшей из всех старух, хвост которой насчитывал целых тридцать две гремушки. Длина ее, правда, составляла всего метр сорок, зато толста она была, как бутылка. Превосходный экземпляр: вся в желтых ромбах, мощная, выносливая, могущая хоть семь часов провести в одном месте в виду врага, всегда готовая метко направить свои клыки с каналом внутри, которые, как известно, хоть и не более крупны, но более хитроумно устроены, чем у других ядовитых змей.

Пещера была глуха и мрачна, и вот именно там, в предвиденье грядущей опасности, и под началом упомянутой гремучей змеи, и собрался Совет Змей. Прибыли на него, кроме Копьеголовы и Лютой, и другие их родичи, живущие в том краю. Была тут малютка Лисичка, самая балованная из всего Семейства, с острым рыльцем и огненно-рыжей полосой по обоим бокам. Рядом другая растянулась в ленивой неге, словно и не думала выставлять напоказ великолепные кофейно-белые извивы на фоне длинных густо-розовых полос своей спины,— стройная Нейвид, названная так в честь естествоиспытателя, описавшего этот образчик несравненной красоты. Явилась и Крестоноска, смелая, мощная, не уступающая самой Нейвид в красоте рисунка. За нею — Свирепая, чье прозвание не требует пояснений; и последней — Златозарная, застенчиво сокрыв в самой глубине пещеры свои сто семьдесят сантиметров черного бархата, косо пересеченные сверкающими золотыми лентами.

Следует заметить, что между разными видами собравшегося здесь могущественного рода, к которому принадлежали все, кроме Лютой, существует извечный спор: чей рисунок и чей цвет красивее. И правда, мало кого природа разукрасила так богато!

Среди змей установлено правило, что виды, мало представленные в данной местности и не имеющие здесь большого влияния, не должны возглавлять ассамблей Империи. Потому-то Златозарная, смертоносная

красавица, не часто, однако, встречающаяся, на подобную честь и не рассчитывала, и не возразила против гремучей змеи в качестве председательницы — силы в ней поменьше, но зато попадаетея на каждом шагу...

Так что большинство голосов было обеспечено, и Лютая торжественно открыла совещание.

— Сестры! — так начала она. — Все мы, собравшиеся сейчас в этом гроте, извещены, благодаря усилиям Копьеголовой, о роковом для нас присутствии Человека на нашей земле. Полагаю, что раскрою чаяния всех присутствующих, если скажу, что мы приложим все силы для спасения Империи нашей от набегов врага. Есть лишь один способ сделать это, ибо давно доказано опытом, что тот, кто оставляет поле боя, ничего не добивается. Этот единственный способ — вы все прекрасно знаете — объявить Человеку с сегодняшней же ночи войну не на жизнь, а на смерть, в которую все наши виды, роды и семейства внесут свою дань. Мне лестно при подобных обстоятельствах уведомить наш Собор, что я готова забыть разряд, в какой определили меня люди, и примкнуть к вашему главенствующему роду. Могущественный род, действующий под черной эгидой Смерти! Все мы есть не что иное, как Смерть, сестры мои! А пока что пусть кто-либо из присутствующих представит нашему Собору свои соображения по поводу будущей кампании.

Не было в Империи змеи, которая не понимала бы, что если у Лютой жало самое длинное, то ум самый короткий. Впрочем, она и сама это сознавала и, не способная по этой самой причине иметь хоть какие-нибудь соображения, сохраняла достоинство престарелой королевы, не предлагая никогда ничего...

Тогда Крестоноска, расправляя ленивые кольца, молвила:

— Я поддерживаю суждение Лютой и считаю, что, пока у нас не будет хорошо разработанного плана действий, мы ничего не должны да и не можем делать. Вот чего мне жаль, так это что здесь не присутствует наша родня без яда — из семейства Удавовых, например, или Ужовых... Без них наш Конгресс неполон.

Ответом ей была тишина... Полная... Стало абсолютно ясно, что Гадюковым вовсе не по нутру упомянутые семейства. Крестоноска улыбнулась как-то неопределенно и продолжала:

— Сожалею, что осталась непонятой... Однако хочу напомнить

присутствующим: если мы все вместе приналяжем на одного удава, то одолеем ли его? Нет. Больше мне добавить нечего.

— Если ты имеешь в виду, что этому твоему удаву не страшен наш яд,— небрежно бросила из своего укромного угла Златозарная,— то я одна, своими собственными силами, берусь всех вас в этом разубедить.

— Не об яде речь,— раздраженно отозвалась Крестоноска. — Я бы тоже одна кое с кем справилась...—тут она как-то искоса взглянула на смертоносную красавицу.— Я хотела лишь напомнить об их мощи, искусности, силе их мускулов... называйте как хотите. Такие бойцовые черты вне сомнения свойственны этим нашим родичам. Думаю, тут мне никто не возразит. И подчеркиваю: в той кампании, какую мы хотим предпринять, они окажутся для нас незаменимы; более того, без них нам ни в коем случае не справиться!

Но все по-прежнему оставались недовольны.

— И зачем нам эти семейства? — недоумевала Свирепая. — Мерзость, да и только.

— Глаза, как у дохлых рыб,—добавила Лисичка и надулась.

— Они внушают мне отвращение,—презрительно произнесла Копьеголовая.

— Боюсь, что они внушают тебе нечто иное...— пробормотала Крестоноска, взглянув на нее как-то пытливо.

— Это мне-то?! — со свистом взвилась Копьеголовая.— Вот ты, восхваляя этих червяков, просто смешна, уверяю тебя!

— Если б Ловцы слышали, как ты их тут называешь...—с тихой насмешкой заметила Крестоноска.

Но при звуке этого гордого имени «Ловцы» вся Ассамблея разволновалась.

— Незачем говорить такое! — закричали все разом.— Черви они, и всё тут!

— Они называют друг друга Ловцами,—пояснила суховаато Крестоноска.— И мы здесь на заседании, в конце концов!

Кстати сказать, издавна между змеями поговаривают, что две из них находятся в постоянной вражде: Копьеголовая, родом с крайнего Севера, и Крестоноска, чья область распространяется далеко на Юг. Кичатся каждая своей красотой и всё не решат, кто лучше,—так, по крайней мере, утверждают Ловцы.

— Спокойствие, спокойствие! — вступила в общий спор Лютая. — Пускай Крестоноска разъяснит, в чем нам могут быть полезны эти змеи, поскольку они не являют собою саму Смерть, как мы. Зачем же?!

— А вот зачем, — отозвалась Крестоноска, — нам важно разведать, что делает Человек в Доме, а для этого надо кого-то туда направить. Теперь вот что: предприятие это не из легких; хоть наше знамя — Смерть, но знамя Человека тоже Смерть, и от его руки она быстрее и внезапней, чем от нашего яда! Те змеи, о которых я упомянула, значительно превосходят нас в проворстве. Каждая из нас может на такое дело пойти, конечно. А вот воротится ли? Я думаю, лучше всего поручить это Шустрой. Она день-деньской шныряет по лесу и сможет, всползая на крышу, подглядеть и подслушать, что нам нужно, и, воротясь, все в подробности рассказать, покуда не рассвело.

Такое предложение явилось настолько убедительным, что вся Ассамблея тут же его поддержала, не слишком, впрочем, охотно.

— А кто отправится на поиски Шустрой? — раздался голоса.

Крестоноска разжала хвост, которым обвивалась вокруг обрубка ствола, и скользнула к отверстию пещеры.

— Я сама и отправлюсь, — сказала она, — я недолго...

— Вот-вот, — прошипела ей вслед Копьеголовая, — это ведь одна из твоих подопечных, так что ты ее мигом разыщешь!

Крестоноска улучила еще время повернуть голову в сторону говорившей и выбросить вперед свой длинный раздвоенный язык — ссора обещала быть долгой...

III

Крестоноска увидела Шуструю, когда та взлезала на дерево.

— Эй! Шустрая! — с тихим присвистом позвала, она.

Шустрая услышала, как произнесли ее имя; но предусмотрительно воздержалась от ответа, покуда ее не окликнут вторично.

— Шустрая! — повторила свой зов Крестоноска с присвистом на полтона выше.

— Кто-то меня звал? — слышалось сверху.

— Это я, Шустрая, я — Крестоноска!..

— Ах, так! Родственница... Тебе чего, душенька?

— Не до шуток теперь, Шустрая!.. Ты слыхала, что творится в Доме?

— Да, Человек объявился... Дальше!

— А до тебя дошло известие о нашем Собрании?

— Это нет, этого я не знала! — откликнулась Шустрая, соскальзывая вниз головой по тонкому стволу так невозмутимо, будто двигалась по горизонтальной плоскости.— Раз все собрались вместе, то, верно, дело нешуточное... А что случилось-то?

— Ничего еще не случилось; но мы как раз для того и собрались, чтоб помешать чему-нибудь случиться. Короче: известно, что в Доме теперь Человек... Несколько их... и они никуда отсюда подаваться не собираются. А для нас это гибель.

— А я-то считала, что вы сами для всех гибель. «Мы — Смерть, мы — Смерть!» Вы кричите это направо и налево!—с иронией возразила собеседница.

— Да ладно, будет тебе! Мы нуждаемся в твоей помощи, Шустрая!

— Вот как? А я-то тут при чем?

— Как тебе сказать... К сожалению, по наружности ты нам во многом подобна и вполне можешь сойти за ядовитую змею. Так что наши беды и тебя касаются, и помогать нам в твоих же интересах.

— Вот теперь понимаю,—ответила Шустрая после минуты раздумья, успев взвесить всю сумму опасных случайностей, каким может подвергнуться из-за такого подобия.

— Так как же? Примешь участие?

— А в чем оно должно выражаться?

— В малом. Ты тотчас же поспешишь к Дому и постарайся подсмотреть и подслушать как можно больше из того, что там делается.

— Ну, тут особого труда нет! — беззаботно ответила Шустрая и потерлась головой о дерево.— Одна только загвоздка,—прибавила она,— у меня там, на верхних ветвях, вкусный ужин... Дикая индюшка, понимаешь ли, еще позавчера вбила себе в глупую башку, что тут подходящее место для гнезда...

— Ну, может, что другое попадется,—мягко утешила Крестоноска. Родственница бросила на нее косой взгляд.

— Ладно, двинулись...—Крестоноска уже настаивала.—Заглянем для начала на наш Конгресс

— О нет, ни в коем случае! — запротестовала Шустрая уже в пути.— Что нет, то нет! Я согласилась выполнить ваше поручение, а остальное меня не касается! Загляну на ваше Собрание, когда вернусь... если вернусь, то есть... Но чтоб так, здорово живешь, любоваться на сморщенную шелуху Лютой, бандитские буркалы Копьеголовы и мерзкое рыло этой идиотки Коралловой — нет уж, увольте!

— Коралловая не присутствует.

— Не имеет значения! Тех, кто присутствует, мне с лихвой хватит!

— Да что ты расходишься? — Крестоноска не хотела подливать масла в огонь.—Однако если ты и дальше так шустро понесешься, я namного отстану.

И верно, даже стараясь изо всех сил, Крестоноска не могла сравняться в беге — медленном, по мнению самой Шустрой,— со своей родственницей.

— А ты задержись у своих, тебе ведь уже недалеко,— порекомендовала та.

И понеслась как стрела, в одно мгновение оставив далеко позади свою ядовитую сестру.

IV

Через четверть часа Ловчиха была уж у цели. Там, внутри, в Доме, еще бодрствовали. Из распахнутых дверей выходил сноп света, и еще издали Шустрая могла различить фигуры четверых мужчин, сидящих вокруг стола.

Чтоб добраться благополучно, надо было преодолеть лишь одно препятствие: возможную встречу с собакой. А может, тут и нет собак? Шустрая очень опасалась, что все-таки есть. Потому-то она стала пробираться внутрь Дома с крайней осторожностью, особенно усилив ее, когда достигла галереи.

Тут она задержалась, чтоб осмотреться. Ни у входа, ни в правом, ни в левом крыле никаких собак не замечалось. Но поодаль, за открытой задней дверью комнаты, которая просматривалась вся насквозь из-под стола, между парами человеческих ног, дремала, вытянувшись, черная собака.

Так что подступы к крепости были свободны. Поскольку с того места, где находилась, она могла расслышать, но отнюдь не разглядеть говорящую картину с людьми, Шустрая решила поискать укрытие где-нибудь поближе и, кинув взгляд наверх, в одно мгновение обрела желаемое. Тихонько всползла по приставной лестнице, оставленной у стены, и устроилась в узком пространстве между стеной и крышей, поместившись на перекладине. Но и при всех принятых ею мерах предосторожности она нечаянно смахнула забытый кем-то, заросший пылью гвоздь, и сразу же один из мужчин взглянул вверх.

«Все кончено!» — беззвучно шепнула Шустрая, не дыша.

Другой мужчина последовал примеру первого.

— В чем дело? — спросил он, вглядевшись.

— Сам не знаю,—отозвался первый.—Словно что-то черное там.

— Крыса, может быть?

«Человек не понял»,—беззвучно сказала, Шустрая, сама себя успокаивая.

— Или какая-нибудь шустрая змейка!

«Другой Человек понял»,—беззвучно вскричала Шустрая, вся сжавшись и изготоясь к бою.

Но мужчины снова занялись беседой, и Шустрая подсматривала и подслушивала с добрых полчаса...

V

Дом, составляющий предмет заботы всего леса, стал не так давно приютом для научно-исследовательского центра огромного значения. Уже многие годы было известно о необыкновенном богатстве змеиного царства в этом глухом углу, и правительство страны приняло решение об открытии здесь специального института, где приготавлилась бы сыворотка для лечения от змеиных укусов. Основное преимущество выбранной местности составляло не только разнообразие, но и обилие здесь ядовитых змей, ибо всем известно, что главная трудность состоит в том, чтобы найти их в достаточном количестве для получения яда — тогда можно наладить систематическое приготовление сыворотки.

Новое учреждение могло бы начинать свою работу прямо сейчас, потому что уже обзавелось двумя лошадьми и мулом, которым и был

сделан ряд прививок, так что они были на пути к полной невосприимчивости к яду. Удалось также оборудовать лабораторию и серпентарий. Последний обещал вскоре обогатиться самым сказочным образом, хотя институт привез с собою немало ядовитых змей — они-то и послужили для опытов с упомянутыми животными. Но если учесть, что одной лошади, чтоб стать нечувствительной к змеиному яду, для последних прививок нужно не меньше шести граммов, то легко понять, какое же множество змей нужно такому институту для постоянной работы.

Трудные хлопоты, естественные для начала деятельности любого учреждения в дремучем лесу, заставляли руководство института бодрствовать порой до глубокой ночи, ломая голову над всевозможными проблемами. Так было и сегодня...

— А как нынче наши четвероногие? — спросил мужчина в черных очках, выглядевший начальником над другими.

— Да что-то упали духом, — отозвался другой. — Если за два-три дня не будет хорошего сбора

Шустрая, недвижимая на своей перекладине, вся — зрение и слух, начинала успокаиваться.

«Сдается мне, что ядовитые родственники зря впали в панику, — подумала она. — Навряд ли стоит так уж бояться этих людей...»

И, выдвинув вперед голову, настолько, что ее рыльце высунулось за перекладину, она собралась попристальней приглядеться к говорившим.

А те продолжали делиться новостями.

У нас вообще сегодня был плохой день, — стал рассказывать один из мужчин. — Пять пробирок для опытов разбилось.

И Шустрая чувствовала себя все более склонной к состраданию. «Бедненькие! — вздохнула она. — Сколько у них чего-то разбилось!»

И она намеревалась уже оставить свое укрытие, чтоб продолжать осмотр этого безопасного дома, когда до нее донеслось:

— Зато змеи здесь великолепны... Местность словно создана для них.

«Мы-то при чем? Что сказал этот лысый в белом костюме?» — заволновалась Шустрая, резко выбросив свой язык и раздраженно им шевеля.

А лысый меж тем продолжал:

— Для них здесь полное приволье... А нам они срочно нужны нам, и нашим четвероногим.

— Ну, с охотой на змей нам, мне думается, повезет в этом краю. Это какая-то страна змей...

«Ай, ай, ай!..—опечалилась Шустрая, свертываясь на своей перекладине сколько возможно.— Что-то я начинаю видеть многое в новом свете... Хороши, нечего сказать!.. Нет, рано мне еще с вами прощаться... Тут, пожалуй, еще много чего наслушаешься...»

И она и правда такого тут наслушалась, что когда через полчаса хотела уж удалиться, то от избытка впечатлений сделала один неверный поворот, и добрая половина ее туловища соскользнула с перекладины, хлопнувшись о дощаную стену. И она упала головой об пол, но в одно мгновение распрямилась и направила свой вздрагивающий язык в сторону стола, за которым сидели люди.

Змеи ее вида бывают до трех метров длиной, и они бесстрашные, пожалуй, самые бесстрашные из здешних змей. Они могут выдержать упорную атаку со стороны человека, такого огромного по сравнению с ними, и всегда противоборствуют ему до конца. Поскольку сознание своей храбрости заставляет их думать, что один их вид внушает страх, то наша немножечко удивилась, увидев, как люди, разобравшись, что к чему, рассмеялись.

— Это неядовитая змея... Пускай побудет у нас, она нам дом от мышей очистит.

— От мышей?! — просвистела Шустрая.

И поскольку она не меняла своей воинственной позы, один из мужчин поднялся наконец со стула.

— Может, она и безопасная и мышей ловит, но ползучий гад все-таки... Как-нибудь ночью ей придет в голову половить мышей у меня под одеялом...

И, взяв с полу первую попавшуюся деревяшку, он с силой метнул ее в змею. Деревяшка как стрела пролетела над самой головой задиры и с громоподобным стуком ударилась об стену.

Нападения бывают разные. Вырванная из родной среды, в узком пространстве комнаты. Шустрая растерялась. И она понеслась прочь отсюда, энергично применяя второе свое дарованье — быстроту бега.

Подгоняемая лаем собаки, долго еще бежавшей по ее следу, она достигла наконец пещеры. Пронеслась прямо по телам Копьеголовой и Свирипой и свернулась в уголку, полумертвая от утомленья.

VI

— Вот и она! — обрадовались все, устремляясь к лазутчице. — А мы уже решили, что ты у своих дружков навсегда поселилась...

— Ну вот еще! — проворчала Шустрая.

— Так что ты нам расскажешь? — последовал вопрос Лютой.

— Следует опасаться облавы со стороны людей?..

— Или лучше не обращать на них внимания?..

— Пожалуй... не обращать внимания... Но на всякий случай переправиться на другой берег... — Шустрая пыталась ответить на все вопросы сразу.

— Почему?.. Зачем?.. — заволновались все разом. — Как это взбрело тебе в голову?

— Да вы послушайте...

— Говори, говори!..

И Шустрая описала собравшимся все увиденное и услышанное: Институт, его задачи, приготовление сыворотки, решение поймать всех ядовитых змей, какие только здесь водятся.

— Поймать?! — вспылили разом Златозарная, Крестоноска и Копьеголовая, достоинство которых больно задело это унижительное слово. — Нас нельзя поймать! Убить только можно!

— Да не хотят они вас убивать! Поймать хотят, поймать! Держать взаперти, давать обильную пищу, и за это каждые двадцать дней извлекать ваш яд. Сладкое житье, а?

Ассамблея просто обомлела от этого рассказа. Цель извлечения яда была ясна... Но способ?! Каким способом они собираются его извлекать?

Подумать только: противозмеиная сыворотка!.. Это значит, что все укушенные животные станут нечувствительны к укусам и обязательно поправятся! То есть всему Семейству предстоит умереть от голода в своем же собственном лесу!

— Верно, верно! — поддержала Шустрая. — Только и всего!

Шуструю предстоящая опасность не очень-то страшила. Что было им, племени Ловцов, — им, кто ловил силою мускулов, чистым зубом, — до того, будут или не будут чувствительны к яду животные?! Было, правда, одно слабое место в этих рассуждениях: иной раз самая ядовитая змея так походит на простого ужа, что возможны роковые ошибки... Поэтому

Шустрой тоже было бы спокойнее без этого проклятого Института.

— Я предлагаю первой начать кампанию...—сказала Крестоноска.

— Какова же твоя идея? —оживилась Лютая, отличавшаяся стойким отсутствием своих идей.

— Идеи нет. Просто завтра, после полудня, я, будто случайно, натолкнусь на кого-нибудь...

— Смотри в оба! — сказала ей Шустрая назидательно.—Там несколько клеток пустует... Да, кстати, совсем забыла! — добавила она.— Когда я оттуда спасалась... Там собака есть, черная, косматая такая... Кажется, мастерица выслеживать Гадюковых... Так что сама понимаешь, не зевай...

— Ну, это уж как сложится... Но я прошу, чтоб завтра, как стемнеет, ваш Конгресс собрался снова. Будьте все. Если не будет меня, значит, дело плохо...

Меж тем Ассамблея переходила от одного испуга к другому.

— Собака? Мастерица выслеживать нас? Ты точно знаешь?

— Почти точно. Берегитесь этой собаки, она для нас опаснее каждого из этих людей и всех их, вместе взятых!

— Уж я о ней позабочусь! — вскричала Лютая, радуясь тому, что может наконец (без каких-либо упражнений ума) продемонстрировать мощь своих желез, полных яду...

И вот каждая змея приготовилась распространить весть о предстоящей кампании в своей округе, и Шустрой, великой лазунье, поручено было вознести призыв к бою на деревья — любимое местопребывание всех ужеподобных.

К трем часам ночи Ассамблея была распущена. Змеи, возвращенные к привычной своей жизни, удалились по всем направлениям, забыв уже друг про друга, немые и сумрачные, в то время как в темном углу пещеры Лютая, плотно свившись, недвижимая, вонзала свои ледяные, стеклянные глаза в неясную мечту о тысяче окаменевших от яда собак.

VII

Час пополудни... По поляне, словно объятый огнем, под защитой кустиков испанского дрока скользит Крестоноска в сторону Дома. Ей пока что не пришло в голову ничего иного (да она и не желала, чтоб

что-либо иное пришло), кроме одного: убить первого встретившегося на пути Человека. Вот она достигла Дома, всползла на галерею и, свившись клубком, стала ждать. Прошло с полчаса. Удушливый зной, воцарившийся еще три дня назад, начинал уже давить ей на глаза, когда внезапно глухое дрожанье надвинулось на нее из комнаты. Дверь стояла настежь, и перед змеей, сантиметрах в тридцати от самой ее головы, оказалась собака, черная, косматая собака, щурившаяся от недавнего сна.

«Проклятый зверь!..—сказала про себя Крестоноска.—Лучше бы уж человек...»

В это мгновение собака остановилась, вынюхивая что-то, и обернулась... Слишком поздно! Подавив вырвавшийся у нее визг удивления и боли, она отчаянно замотала головой.

— Ну, эта, кажется, вне игры...— пробормотала Крестоноска, снова укладывая свои кольца.

И когда собака, опомнившись, намеревалась уже наброситься на змею, то услышала шаги своего хозяина и отступила с громким лаем, ошетинясь. Человек в черных очках возник возле Крестоноски.

— Что там? — спросили откуда-то из комнат.

— Ага... Крестовая змея. Яркие выраженные признаки... Обычно их легко смешать с близкими из их рода,—задумчиво говорил меж тем человек в черных очках.

И прежде чем змея успела принять оборонительную позу, она почувствовала, что ее сдавили чем-то вроде щипцов, укрепленных на конце какой-то палки.

Она чуть -не треснула от обиды, что с нею так поступили; стала хлестать своим телом направо-налево, тщетно пыталась напрячься и обвиться вокруг проклятой палки. Ничего не вышло: ей не удалось упереться хвостом во что-то твердое, а всем известно, что без точки опоры даже такая богатырская змея, как удав, постыдным образом теряет всю свою силу.

И человек так и понес пленницу, подвешенной на палке, и так была она заброшена в серпентарий.

Представлял собою этот последний не что иное, как обыкновенную площадку, обнесенную оцинкованной гладкой стеной, за которой, в немногих установленных на голой земле клетках, было помещено тридцать — сорок змей. Крестоноска88шлепнулась оземь и так с минуту

и оставалась, свернувшись комом и поджариваясь под огненным солнцем.

Помещение было по всем приметам временное: неглубокие, но просторные смолёные лохани служили змеям купальнями, а расставленные там и сям деревянные домики или сложенные шалашиком камни предлагали убежище гостям этого кустарно сработанного рая.

Через несколько минут новенькая была уже окружена и подавлена пятью-шестью перелезавшими по ней подругами, которые интересовались, кто она и из какого семейства.

Крестоноске все они были известны; но вот вовсе не знакома была одна огромная змея, купавшаяся в этот момент в своей высокой запертой клетке из толстой проволоки. Кто это, а? Никогда в жизни она Крестоноске не встречалась... Любопытствуя, как раньше другие, она медленно приблизилась. Настолько вплотную, что незнакомка так и взвилась. Крестоноска подавила невольный свист, когда, пораженная, сжимаясь в клубок, приготовилась защищаться. Потому что большая змея на ее глазах вдруг надула свою шею, да так чудовищно, что приобрела прямо-таки престранный вид — словно широкополую шляпу на затылок надела.

— Ты кто? — спросила испуганно Крестоноска. — Из наших ли?

Это означало: из ядовитых. Незвестная, поняв, что к ней приблизились без дурных намерений, опустила поля своей шляпы.

— Из ваших, — отвечала она. — Но не из этих мест... издалека... очень... из Индии.

— Как твое имя?

— Кобра... Шляпная змея... Очковая... Дриада Джунглей... Королева Змей... у меня много имен.

— А я Крестоноска.

— Могла и смолчать, и так вижу крест на макушке. Я здесь уже со многими твоими сестрицами перезнакомилась... Когда поймана?

— Недавно... Не смогла его убить...

— Лучше бы тебя саму убили... Для тебя же лучше бы...

— Но с собакой я расправилась.

— С какой собакой? Которая тут живет?

— Ну да.

Королеву Змей это почему-то страшно рассмешило. Но тут Крестоноску ждал новый удар: косматая собака, которую она убеждена была, что убила, залаяла где-то совсем рядом...

— Удивляешься, да? — сердито бросила Очковая.— Не тебе одной пришлось здесь так удивляться.

— Но я ж ее в голову... — шептала Крестоноска, все более поражаясь происходящему.— Весь яд до капли выпустила! Все из нашего рода в один укус весь яд пускают. Пустая осталась... — заключила она растерянно.

— А собаке наплевать, пустая ты или полная!

— Бессмертная она, что ли?

— Не бессмертная, но от нас с тобой ей смерти не будет. Она нечувствительна к яду... Да ты все равно не поймешь!

— Нет, я понимаю! — с живостью отозвалась Крестоноска.— Нам Шустрая рассказывала!..

Королева Змей попристальней вгляделась в свою собеседницу.

— Похоже, что ты сообразительная...

— Да уж по крайней мере не меньше тебя! — обиделась Крестоноска.

Шея азиатки сразу же опять расширилась, и новая пленница насторожилась во второй раз.

Змеи сосредоточенно посмотрели в глаза друг другу, и кобра медленно подобрала свой треух.

— Да и храбрая,—пробормотала она.— Тебе можно довериться. Слыхала ли ты когда-нибудь наше особое родовое имя?

— Дриада Джунглей, наверно.

— Или Большая Найя... или Щитоносная... А точнее: Королева Змей. Мы рядом с обычными кобрами Индии, все равно что ты рядом с червяками... А слыхала, что нам в пищу идет?

— Не-ет...

— Змеи из вашей Америки... В основном... — заключила Королева, раскачиваясь совсем близко...

Крестоноска быстро оценила размеры иностранки-змеееда.

— Два с половиной, что ли?.. — спросила.

— Два метра шестьдесят... шестьдесят... так-то, маленькая, — отозвалась та, успев проследить взгляд новой подруги.

— Хороший размер... Той же длины (капельку побольше, может) моя двоюродная сестра, Анаконда ее зовут. Догадываешься, какую она пищу предпочитает?

— Ну?..

— Вот именно: змей из вашей Азии!

И она в свою очередь бросила выразительный взгляд на Дриадку Джунглей.

— Быстра на слово! — отвечала та, снова начав раскачиваться. И, ополоснув голову в лохани, протянула томно: — Двоюродная, значит?

— Ну да.

— Яда не имеет?

— Не имеет. Потому так и увлекается ядовитыми иностранками.

Но азиатка уже не обращала на нее внимания, занятая своими мыслями.

— Послушай! — начала она снова. — Меня уже мутит от людей, собак, лошадей и всей этой глупой и злой нечисти! Ты одна здесь способна понять меня, потому что те, кто нас окружает в этих стенах, по правде сказать... Меня уже полтора года в клетке держат, словно я крыса какая, да еще и терзают, пытаются всячески. И, что хуже всего, унижают, таскают туда-сюда, как лоскут какой-то... И кто? Жалкие людишки. И я, кому достанет яду, чтоб разом покончить с ними со всеми, принуждена сдавать яд на выработку сывороток против яда! Нелепость!.. Ты не можешь и вообразить, как одна мысль об этом бьет меня по самолюбию! Смекаешь, к чему веду? — И Королева многозначительно заглянула в глаза новой знакомке.

— Кажется, — отозвалась последняя. — Чем могу я помочь делу?

— Одним лишь: у нас есть один лишь способ защиты и мести... Подползи-ка еще, а то вдруг услышат... Ты ведь знаешь: чтоб вернуться в полную силу, нам нужна точка опоры. Иначе мы гибнем. Если ты поможешь мне обрести ее в нужный момент, это может стать началом всей кампании. Только вот...

— Ну? Ну?

Королева внимательно так взглянула на Крестоноску:

— Не исключено, что ты при этом умрешь.

— Только я?

— Нет, разумеется, не только ты! Они, некоторые из людишек, умрут с тобою вместе...

— Но я же именно к этому и стремлюсь! Продолжай, пожалуйста!

— Ладно, но ты еще подползи... Не бойся...

Разговор после этого перешел на шепот, и Крестоноска вынуждена была чуть ли не приклеиться к королевинной клетке, так что всю чешую о проволоку ободрала. И вдруг кобра рванулась к ней и три раза

подряд ужалила. Другие змеи, которые давно уже следили за этой таинственной беседой, разволновались.

— Ну вот! Она ее все-таки прикончила! Коварная!

Крестоноска, три раза подряд ужаленная прямо в шею, с трудом отползла немного в сторону по травке. Но вскоре осталась недвижимой, и это на нее наткнулся сотрудник Института, когда, три часа спустя, зашел в серпентарий. Человек взглянул на змею и, перевернув ее ногой, словно потерянный кем-то ремень, грустно уставился на ее белесое брюхо.

— Мертва, никакого сомнения... мертва...— произнес он.— Но как это случилось? — И он склонился над змеей, чтоб осмотреть ее получше.

Исследование было кратким: на шее, возле самой головы, он обнаружил неоспоримые следы укусов.

— Вот так так! — удивился человек.— Это дело Дриады Джунглей, и никого другого... Вон она как свернулась плотно и смотрит на меня, словно я — вторая крестовая змея и меня тоже надо... Двадцать раз я директору докладывал, что эта проволочная сетка для нее не годится. Редкая слишком. Вот и доказательство... Ну что ж,— заключил он, взяв Крестоноску за хвост и бросая ее по ту сторону ограды,— за этой уж в оба глядеть не придется!

И вскоре доложил директору:

— Ваша Дриада укусила крестоносную змею, которую мы недавно поймали. Теперь у нее яду, наверно, уж немного осталось.

— Как досадно,—огорчился директор.—А нам как раз нужно сегодня побольше... У нас сыворотка почти кончилась. Умерла крестовая-то?

— Умерла, я ее за ограду бросил... Так нести Дриадy-то или как?

— Несите, что ж делать... Но для второго сбора яда, часа так через два-три.

VIII

...Она чувствовала себя сломанной, конченной, без сил. В рот набилась земля с кровью. Не понимала, где она.

Плотный туман, застилавший ей глаза, начинал рассеиваться, и Крестоноске удалось различить, что поблизости. Она увидела,—вернее,

смутно узнала — оцинкованную стену, и вдруг все недавнее ясно представилось ей: черная собака, палка со щипцами в руках человека, чудовищная азиатская змея со своим хитроумным замыслом, для осуществления которого она, Крестоноска, должна была рисковать жизнью. Хитроумный замысел... Теперь она понимала: три укуса подряд, ровно столько, чтоб парализовать ее на определенное время... Чтоб она могла вернуться в нужный момент... «Чем могу я помочь делу?» — вспомнила она свой вопрос. Теперь она знала чем. Не опоздала ли?..

Она сделала попытку пуститься в путь. Тщетно: тело ее волнообразно изгибалось по земле, но все на том же месте. Так прошло еще какое-то время...

«Надо же, ведь близко совсем, и тридцати метров не будет, — печально думала Крестоноска.— Мне бы сил хоть на две минуты, на одну даже, и я успела бы, успела!»

И, сделав новый рывок, она сдвинулась наконец с мертвой точки и заскользила, зашпешила по тропинке, ведущей к отсеку Дома, где разместились лаборатории.

Вползла во внутренний дворик, пронеслась через него и очутилась у раскрытых дверей лаборатории.

Такая картина предстала ей: уже знакомый нам сотрудник Института двумя руками с трудом держал на весу тяжеленное тело Дриады Джунглей, в то время как человек в черных очках засовывал ей в рот часовое стекло. Еще мгновение — и его рука надавит на ядоносные железы и яд начнет стекать в специальный сосуд; а она. Крестоноска. еще у двери...

«Опоздаю!» — подумала она с ужасом.

Последним усилием бросила она свое тело через порог, и... пролетев мгновение в воздухе, клыки ее вонзились в босую ногу служащего. Почувствовав, что его словно прокололи горячей иглой, человек громко закричал и затанцевал на месте. Это длилось всего несколько секунд, но их оказалось довольно для того, чтоб провисшая громада Дриады Джунглей заколебалась в воздухе и, скользя к ножке стола, сжалась вокруг нее в тугие кольца. Имея теперь точку опоры для тела, Королева резко выдернула голову из рук служащего и воткнула по самый корень свои ядоносные клыки в левую руку человека в черных очках — в вену, на сгибе, точно.

Всё! Еще не смолк первый крик раненого, а уже обе, азиатская

Королева и Крестоноска, стремительно мчались прочь, и погони за ними не было.

— Точка опоры! — хрипела азиатка, во всю прыть ускользая по мягкой траве прочь от Дома—Только се я и хотела получить. И получила-таки!

— Да-а...— мчалась Крестоноска возле нее, очень еще измученная,— Но в такие игры я больше не играю...

...А там, в Доме, недвижно сидел человек в черных очках, и с его запястья свисали две тягучие струйки черной крови. Инъекция в вену, если произведена Дриадой Джунглей,— вещь слишком серьезная, чтоб какой-либо смертный долго еще мог оставаться с открытыми глазами... И глаза человека в черных очках ровно через четыре минуты сомкнулись. Навсегда.

IX

Конгресс заседал. Явились все, кого ждали и кого не ждали. Не считая Лютой и Шустрой, а также кузин Златозарной, Лисички, Нейвид, Свирепой и Копьеголовой, присутствовала на сей раз и Коралловая — та самая, кого Шустрая обозвала идиоткой — что не мешало той славиться среди всех талантом жалить особенно больно. Притом она была красива, вне всякого сомнения красива, вся в красных и черных кольцах.

Поскольку красота, как известно, болезненное место каждой змеи, Коралловая втайне радовалась тому, что здесь нет ее брата Аспида, чьи широкие черные кольца, с двух сторон отделенные узкими белыми ободками от пламенной киновари остальной окраски, ставят его на высшую ступень красоты среди всех пресмыкающихся.

Представителей от Ловцов было немало. Явился Древесный Уж, которого почему-то путают с одной ядовитой лесной змеей, хоть по виду и привычкам он скорее сродни удаву. Стройная Лиана, прославившаяся ловлей птиц, сверкала всеми оттенками зеленого цвета — от мягкого оливкового до бурого с прожельтью. Болотная, маленькая и темная, впервые, верно, в жизни оставила свою любимую стихию, чтоб присутствовать здесь. Большой Полоз расположился среди других, застыв недвижно и вплотную прижавшись к земле, как обычно делал в минуту опасности. Плетевидка (тоже из коралловых), очень тоненькая, подобно

всем ее приятельницам-древозазкам, была также тут. И последним появился Эскулапов Уж, чей род преданья почитают священным и связывают с именем бога врачеванья Эскулапа,—добродушное животное, встреченное, однако, недоброжелательно и с недоверием.

И все-таки представители целого ряда видов не явились, и неявку их здесь следует разъяснить специально.

Заметив выше, что явились все, кого ждали и кого не ждали, мы говорили лишь о тех видах, которые представляют, так сказать, правящую династию. Еще первый Конгресс Змей постановил, что самые многочисленные виды одни лишь имеют право решающего голоса. Потому-то мы и сказали, что явились все, хотя весьма досадным упущением была неявка Немого Кротала, которого почему-то не доискались. Тем досаднее, что ведь этот змей, достигающий порою трех метров, влиятелен не только в Америке: он является Змеиным Императором обоих полушарий, и лишь одна взяла над ним верх размером и ядовитостью — Дриада Джунглей.

Еще кое-кого не досчитались (о Крестоноске речь не идет), но все присутствующие всячески старались показать, что этого не замечают.

И вдруг все вздрогнули от неожиданности: из-за густых папоротников показалась чья-то голова и большие глаза весело глянули на собравшихся.

— Не помешаю? — раздался голос.

Все змеи разом подняли головы, словно их током ударило.

— Что тебе здесь нужно? — громко спросила Копьеголовая в величайшем раздражении.

— Тебя, кажется, не звали! — сонно, но с пафосом протянула Злато-зарная, в первый раз за все время доказав, что она еще жива.

— Убирайся! Убирайся! — раздались там и сям ядовитые возгласы, выдающие волнение и беспокойство.

Однако Лютая свистом ясным, хоть и дрожащим, призвала Ассамблею к порядку:

— Сестры и братья! Не нарушайте установленных правил: на Конгрессе Змей могут быть гостями все змеи. Вход свободен. Никакого насилия. Добро пожаловать в наш грот, Анаконда.

— Хорошо сказано! — бросила Шустрая с глухой насмешкой.—Благородно. Наша Королева блюдет интересы всех своих подданных. Добро пожаловать в наш грот, Анаконда! 95

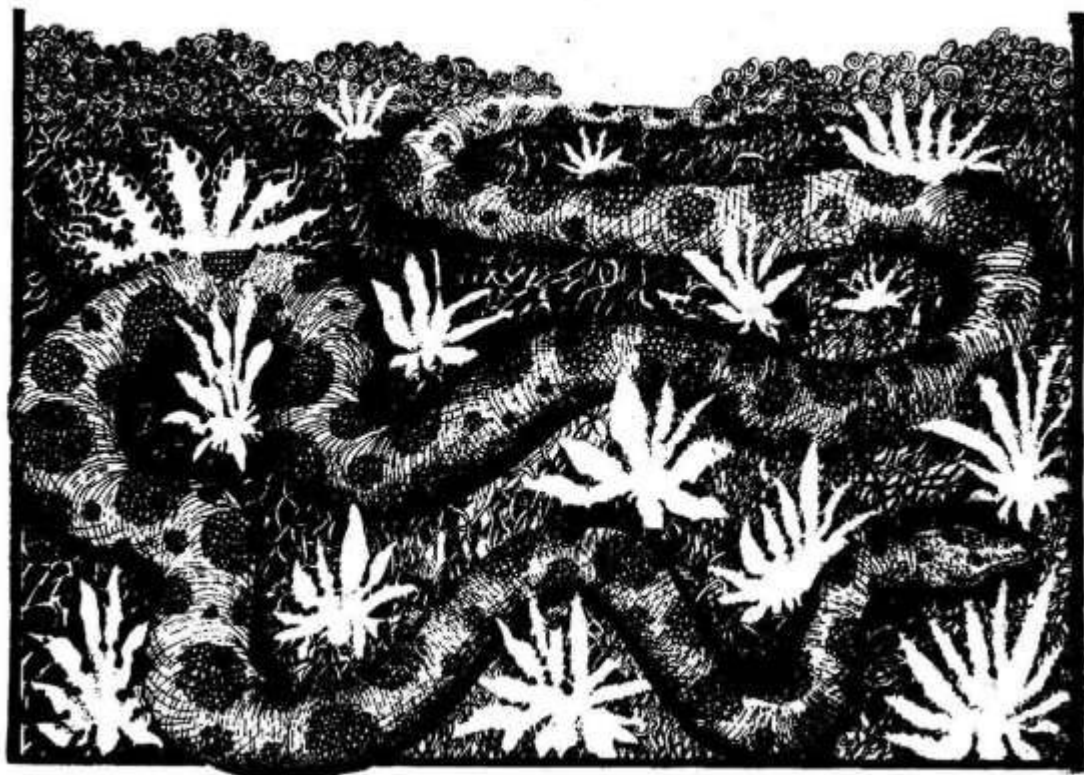
Точеная голова с живостью раздвинула папоротники, влача за собою два с половиной метра молодого, упругого, в темных переливах тела. Новоприбывшая заскользила через пещеру на виду у всех и, многозначительно переглянувшись с Шустрой, устроилась возле самой Лютой с легким, веселым свистом. Старуха невольно вздрогнула.

— Я тебя стеснила? — любезно осведомилась Анаконда.

Что ты, ни капельки! Меня мой собственный яд стесняет, слишком много накопилось...

Анаконда обменялась быстрым шутливым взглядом с Шустрой, и обе стали серьезны.

Для столь явной недоброжелательности по отношению к новенькой было, как вы сейчас поймете, некоторое основание.

Вообще говоря анаконда — самая прославленная из всех змей, какие только есть на земном шаре, и даже грозные питоны Старого Света не заслужили того смешанного со страхом уважения, какое она внушает. Сила ее неизмерима, и нет животного, могущего противостать страшному ее объятию. Когда она медленно тянет на землю из густой листвы все десять метров своего гладкого оливково-бурого, в крупных, черного бархата, пятнах, тела, все в сельве содрогается и стынет от страха. Однако анаконда слишком сильна, чтоб питать вражду к кому бы то ни было, и понимание своей мощи побуждает ее быть всегда в добрых отношениях с человеком. Гнев свой она обращает на одних только ядовитых змей; вся ее натура возмущается против них. Теперь вам понятно, почему эти последние так разволновались, увидев любезную юную Анаконду.

Наша Анаконда, однако, была не из этих мест. Носясь по пенным водам могучей реки Параны, она доплыла сюда вместе с бурным разливом и как-то прижилась здесь, весьма довольная природой и окруженьем, в хороших отношениях со всеми, а особенно с Шустрой, с которой очень подружилась.

Была она в те времена совсем еще юной и ей еще много не хватало до десяти метров, каких счастливо достигает старшее поколение. Но те два с половиной, какие она могла предъявить, стоили, вообще-то, двойной длины, если принять во внимание силищу великолепного удава его рода, чьи отпрыски способны, просто ради развлечения, пересечь в теплых сумерках вплавь широчайшую из рек — Амазонку, высунув из воды не только голову, но и добрую половину тела.

...Однако Лютая решила восстановить порядок, нарушенный разладом из-за Анаконды.

— Полагаю, мы можем, наконец, приступить...—начала она.—Но раньше необходимо добиться каких-либо сведений о Крестоноске. Она дала обещание вернуться в кратчайший срок.

— Она дала совсем другое обещанье,—перебила Шустрая,—а именно: вернуться, как только сможет. Надо ждать.

— К чему это? — вмешалась Копьеголовая, не снизойдя до того, чтоб обернуться на слова какой-то безъядной.

— Как так «к чему»? — взвилась последняя.—Надо действительно иметь вместо головы копье, чтоб молоть подобную чепуху!.. На этом конгрессе одну дичь порют! Хватит уж! Наслушались! Со стороны может

показаться, что ядовитые представляют весь Отряд Змей! Одна эта. — и она сердито указала хвостом на Копьеголовую, — еще не уразумела, что от того, что нам расскажет Крестоноска, зависит ход всей кампании... К чему ее ждать... Додумалась! Далеко мы пойдем, если нами станут крутить и вертеть такие гениальные мыслители!..

— Зачем так резко? — упрекнула Лисичка.

Шустрая обернулась:

— А тебя-то кто за жало тянет?

— Не надо так резко, — произнесла малютка серьезно и не сдаваясь.

Шустрая посмотрела задумчиво на совестливую капризницу... и смирилась.

— Справедливо сказала малышка, — заключила она уже спокойно. — Извини, пожалуйста, Копьеголовая.

— Очень мне нужно! — отозвалась та, все еще сердясь.

— Нужно тебе или нет, а я извинилась!..

Но тут как раз, по счастью, Коралловая, все это время караулившая снаружи, со свистом метнулась в пещеру:

— Ползет! Ползет!

— Дождались! — возликовала Ассамблея.

Но громкое ликование обернулось в немой испуг, когда вслед за старой знакомкой глазам всех предстала вползающая в пещеру исполинская змея, никем дотоле не виданная.

Покуда Крестоноска вытягивалась устало подле Свирепой, непрошенная аккуратно, не торопясь, сложила свои кольца на самой середине пещеры и осталась неподвижна.

— Лютая! — сказала Крестоноска. — Почему ты не приветствуешь ее? Она из наших.

— Мы сестры по крови! — поторопилась высказаться председательница, бросив на новую сестру тревожный взгляд.

И все змеи, прямо-таки умирая от любопытства, поползли рассматривать новоприбывшую.

— Ядом тут и не пахнет, — обронила одна пренебрежительно.

— Какой там яд... — добавила другая, — глаза-то, как площадки...

— А хвост-то длиннющий!..

— Да и вообще...

Но тут подруги разом онемели, потому что чужачка вдруг так не-

вероятно расширила свою шею, что смотреть страшно. Это продолжалось лишь мгновение, поля чудовищной шляпы сникли и опали, в то время как ее владелица повернулась к Крестоноске:

— Слушай, пусть они лучше не пристают... Раздражают...

— Да не трогайте вы ее! — рассердилась Крестоноска. И добавила: — Она только что спасла от гибели меня, а возможно, что и всех вас.

Этого оказалось довольно. Конгресс смолк и обратился в слух. Крестоноска стала рассказывать... А рассказывать ей было о чем: и о столкновении с собакой, и о человеке в черных очках, и о палке со щипцами на конце, и о дерзком замысле присутствующей здесь Дриады Джунглей, и о глубоком оцепененье, в каком находилась она. Крестоноска, еще совсем недавно, и о том, как...

— Результат,—заклчила она,—двое вышли из игры, и притом самые вредные... Теперь уничтожим тех, что остались, и дело с концом!

— Сначала лошадей! — изрекла Дриада Джунглей.

— Лучше собаку! — предложила Шустрая.

— Настаиваю на лошадях,—не сдавалась азиатская Королева.— Привожу мои основания: покуда лошади и мул живы, Человек, даже в одиночку, столько этой сыворотки наготовит, что вся округа станет (как это они говорят?) иммунной к нашему яду. Для всех вас не секрет, что попасть в самую вену удастся весьма редко, как, например, удалось мне... вчера... Потому настаиваю: первый удар мы должны направить на лошадей. А там посмотрим... Что до собаки,—заклчила она, взглянув искоса на Шуструю,—эта нечисть недостойна нашего внимания!

Ни для кого не осталось в тайне, что между азиатской переселенкой и местной жительницей Шустрой сразу же возникла острая неприязнь. Если первая, по самой своей ядовитой сути, представляла для Ловчихи тип какого-то низшего животного, то последняя своею гибкостью, силой и проворством, «вызывала у Дриады Джунглей ревнивую зависть. Таким образом, старая вражда между ядовитыми и неядовитыми могла обернуться неожиданным взрывом в ходе Конгресса.

— Что до меня,—отозвалась Шустрая,—то я полагаю, что лошади и люди не должны быть для нас на первом плане. Вам представляется пустячным делом покончить и с теми и с другими? Положим. Но собаке будет еще проще покончить с нами, когда им придет в голову начать охоту на нас по всей форме, а они ее начнут, будьте уверены, и суток не

пройдет... Эта нечувствительная собака, которой не страшен ничей яд, даже вон той госпожи со шляпой на макушке,—добавила она, искоса кивнув на азиатскую Королеву,—самый страшный противник из всех, кого нам следует страшиться, в особенности если принять во внимание, что она натренирована искать наш след. Каково твоё мнение, Крестоноска?

Ни для кого не осталась также в тайне и эта странная дружба между одной из ядовитых и одной из безъядных, хотя это, скорее, была и не дружба: просто каждая отдавала дань уму и сметливости другой.

— Я придерживаюсь того же мнения, что и Шустрая,—откликнулась Крестоноска.— Если эта привитая собака возьмётся за работу, всем нам крышка!

— А мы выступим раньше! — подала реплику Дриада Джунглей.

— Сильно раньше у нас не получится... Я опять-таки склоняюсь к предложению Крестоноски.

— Я не ошиблась в тебе,—с твердостью произнесла последняя.

Для ушей азиатской Королевы этого, было более чем достаточно для того, чтоб её ядовитые зубы наполнились гневом...

— Какую цену может иметь высказывание этой красноречивой ораторши,—сказала она, возвращая Шустрой её недавний взгляд искоса,—если в данной ситуации реальная опасность грозит лишь нам, Ядовитым, на чьем черном знамени начертано «Смерть!». Безъядные же прекрасно знают, что Человек их не страшится по той простой причине, что они решительно не в состоянии внушить кому-либо страх.

— Удачная мысль,—послышался голос, ни разу ещё не звучавший.

Дриада Джунглей резко развернулась в сторону этого голоса, ибо в мягкой его тональности послышалась ей едва уловимая ирония, и встретила открытый взгляд двух больших ясных глаз.

— Ты ко мне обращаешься? — спросила она свысока.

— Да, к тебе,—неторопливо отозвалась прервавшая её.—То, что ты сказала, исполнено глубокой правды...

Королева снова ощутила укол легкой иронии и, словно чувствуя, что тут случай особый, незаметно прикинула на глаз размеры своей неожиданной собеседницы, свернувшейся в тенечке.

— Ты Анаконда!

— Угадала! — отозвалась названная, кланяясь.

Но Шустрая решила на сей раз довести дело до конца.

— Одну секунду! — произнесла она резко.

— Не надо! — прервала Анаконда.—Позволь мне, Шустрая. Когда какое-нибудь существо ладно сложено, когда оно сильно, ловко и проворно, оно овладевает своим противником благодаря этим качествам, которыми по праву может гордиться, как все Борцы творенья. Так ловит ястреб, тигр, ягуар, все существа благородной структуры. Но когда ты вял, неповоротлив, мало сообразителен и неспособен тем самым открыто бороться за жизнь, тогда-то и необходима пара клыков, чтоб убить изменой. К примеру, как эта импортная дама, которая пытается всех нас здесь ослепить своим роскошным сомбреро!

И в самом деле, Королева, кипя от возмущения, уже расширила свою чудовищную шею, явно намереваясь броситься на обидчицу. Но в свой черед вся Ассамблея разом взвилась при таком обороте дела.

— Потихе, ты! — вскричало множество голосов одновременно.— А дипломатическая неприкосновенность?! Не забывай!!

— Шляпу скинь! — метнулась ввысь Свирепая, мечя глазами искры.

Дриада Джунглей со злобным свистом повернулась в ее сторону.

— Шляпу скинь! — ринулись со своих мест Златозарная и Копье-головая.

Дриада Джунглей на мгновение чуть не задохнулась от гнева и обиды, подумав, как легко могла бы она прикончить своих оппоненток одну за другой. Но, ввиду воинственной активности всей Ассамблеи, сочла за лучшее свернуть гигантские поля своей шляпы.

— Договорились! — просвистела она.—Подчиняюсь большинству. Но когда Конгресс закончится, то я... то вы... то не приставайте ко мне...

— Никто и не пристанет! — обронила Анаконда.

Королева обернулась в ее сторону, сдерживая дикую ненависть.

— Ты-то не пристанешь, потому что давно меня боишься!

— Это я-то боюсь?! — подалась вперед Анаконда.

— Мир! Мир! — испуганно возопила Ассамблея.—Мы представляем здесь жалкое зрелище! Пора принимать решение!

— Да, уж время,—изрекла Лютая.—Собранию предложено два плана действий: один Шустрою, другой нашей гостьей. Так как же? Начнем с собаки или двинемся всем отрядом против лошадей?

Теперь вот что: хотя большинству, быть может, и импонировала идея Безъядной, но грозный вид, внушительная длина и недюжинный ум,

проявленный ядовитой азиатской союзницей, уже склонили многих на ее сторону. Был еще на памяти у всех ее замечательный замысел по изничтожению персонала Института, и безотносительно к тому, представлялся ли выполнимым ее теперешний план, все уже знали, как она умеет расправляться с людьми. Надо добавить к этому, что, кроме Шустрой и Крестonosки, уже кое-что испытывших на себе, никто из присутствующих и вообразить не мог, какая великая опасность таилась в таком враге, как собака, нечувствительная к их яду и наученная их выслеживать. Становится понятно, отчего все под конец склонилось к плану, предложенному азиатской Королевой.

— Тогда приступим! — заключила Лютая. — Никто не желает ничего добавить?

— Никто ничего... — вскричала Шустрая. — кроме того, что вы еще пожалеете...

Хотя ночь начинала уже бледнеть, но, когда речь идет о жизни и смерти, медлить не приходится, и решено было ринуться в атаку, не теряя ни минуты.

И вот целая река из ядовитых и неядовитых, быстро увеличивающаяся в объеме благодаря особям разных пород, все прибывающим и прибывающим из пещеры, устремила в сторону Института.

— Погодите, я хочу сказать... — послышалось последнее предостережение Лютой, — что пока длится кампания. Ассамблея не считается распущенной, так что неприкосновенность одних для других сохраняется. Договорились?

— Ладно, ладно, довольно договоров, — раздался в ответ общий свист.

Азиатская Королева, угрюмо взглянув на спешившую мимо Анаконду, бросила на ползу:

— Там разберемся...

— Обязательно! — с живостью отозвалась Анаконда, стрелой уносясь к авангарду змеиного войска.

Х

Персонал Института дежурил у постели работника, лежавшего в беспамятстве после укуса Крестonosки. Один из служащих выглянул в окно, через которое вливалась в комнату теплая ночь, и ему показалось, что он слышит шум со стороны барачков. С минуту он напряженно прислушивался, потом сказал:

— Похоже, что в конюшне... Проверь. Фрагосо.

Посланный взял фонарь, поспешно зажег его и ушел в темноту, в то время как оставшиеся ловили встревоженным слухом каждый звук.

И полминуты не прошло, как со двора послышались торопливые шаги, и Фрагосо явился на пороге с побелевшим лицом, запыхавшийся:

— Вся конюшня полным-полна змей! — только и сумел он вымолвить.

— Как так? — всполошился новый директор. — Что за чудо?

— Сам не пойму...

— Посмотрим...

И все кинулись из помещения.

— Боксер! Боксер! — стал новый директор поспешно кликать собаку, сонно постанывавшую под кроватью, на которой лежал больной. И все бегом направились к конюшне.

Там, в неярком свете фонаря, они смогли разглядеть обеих лошадей и мула, которые яростно лягались, защищаясь от целой реки змей, буквально затопившей тесную конюшню. Было их тут не меньше семидесяти, а может быть, и восьмидесяти. Животные издавали испуганное ржанье и копытами подбрасывали вверх кормушки; но змеи, словно их направляла какая-то высшая воля, ухитрялись всякий раз увернуться от копыт и жалили без пощады.

Люди, не сразу сдержав свой стремительный бег, оказались среди них. Сноп света ударил резко, и нападающие замерли на мгновение, но сразу же опомнились и с еще более громким свистом ринулись в новую атаку, уже неизвестно против кого, не различая, где люди и где мечущиеся меж ними лошади...

Персонал Института оказался окруженным со всех сторон змеями. Фрагосо ощутил удар по высокому голенищу почти под коленкой и со всего размаха опустил свой прут — крепкий и хлесткий, какие всегда найдутся в домах, стоящих в глухом лесу, — на какого-то увертывающегося противника. Новый директор рассек пополам другого увертывающегося противника, а один из лаборантов успел в последнее мгновение раздробить на спине у Боксера голову какой-то огромной змее, только что с лихорадочной быстротой зажавшей собаку в кольцо.

Всего в какие-нибудь десять секунд произошли все эти события. Пруты взвивались, с отчаянной силой обрушивались на змей, которые

все надвигались и надвигались, жалили голенища, стремясь всползти по ним и достичь живой плоти. И под лошадиное ржанье, людской крик, собачий лай и змеиный свист сражение становилось все неистовей, как вдруг Фрагосо, бросившись на какую-то исполинскую змею, словно уже виденную ранее, споткнулся о чье-то стремительно скользящее тело и упал, и его фонарь, разбившись на тысячи осколков, погас.

— Отступайте! — отчаянно крикнул директор. — Боксер! Боксер!

И все отпрянули назад, во двор, сопровождаемые собакой, счастливо попутавшейся из плотного змеиного клубка.

Бледные и запыхавшиеся, люди взглянули друг на друга.

— Прямо нечистая сила... — с трудом выговорил начальник. — В жизни ничего похожего не видал... Что тут у вас за змеи? Нигде больше таких не встретишь. Вчера этот двойной укус — можно подумать, что те две наперед условились... А сегодня... Хорошо хоть, что им невдомек, что своими укусами они нашим лошадям лишнюю прививку сделали... Ничего, скоро рассветет, и будет совсем другой коленкор...

— По-моему, я там нашу кобру заметил... — обронил Фрагосо, пытаясь потуже перетянуть вывихнутую кисть правой руки.

— Мимо меня она тоже мелькнула, — подтвердил другой служащий. — А Боксер-то как?

— Да изжалили всего... Но ничего, ему и миллион укусов не страшен.

И все возвратились туда, где лежал больной, дышавший теперь ровнее, но буквально утопавший в поту.

— Светает вроде бы... — произнес директор, высунувшись в окошко. — Вы, Антонио, останьтесь с ним. Мы с Фрагосо вдвоем управимся.

— Вережки возьмем? — осведомился Фрагосо.

— Не надо! — замотал головой директор. — Других змей мы поймали бы в петлю в одно мгновение. С этими не получится. Они особенные какие-то... Надо взять пруты и, пожалуй, тесак — вдруг что-то непредвиденное...

XI

Не особенные, а те, что под угрозой огромного бедствия воплотили в себе ум и опыт всех змеиных родов и видов, — таков был враг, угрожавший Институту.

Внезапная темнота, последовавшая за падением Фрагосо, разбившего фонарь, послужила нападающим предостережением, напомнив о близкой опасности большого света, который принудит их к большому напряжению сил. И уже проникала снаружи предрассветная сырость, предвещавшая мощное пришествие дня.

— Если мы останемся здесь еще мгновение,— вскричала Крестоноска,— нас отсюда не выпустят. Поспешим!

— Поспешим! Поспешим! — раздался общий клич.

И, наталкиваясь одни на других, переползая одни через других, они ринулись прочь. Они мчались беспорядочным скопом, в панике, с замешательством замечая, как вдалеке уже прорывается день.

Уже минут двадцать продолжалось их отступление, когда внезапный лай, отчетливый и громкий, хоть и дальний еще, обрушился на измученную колонну.

— Стойте! — вскрикнула Златозарная.—Проверим, сколько нас, и решим, что в наших силах.

И при неверном свете подступавшего утра они оглядели свое поредевшее воинство. Под копытами лошадей и мула остались восемнадцать их мертвых соратников и соратниц, среди которых были и сестры Коралловые. Свирепая была разрублена надвое тесаком Фрагосо, а Древесному Ужу проломили голову, когда он, вообразив себя удавом, душил собаку. Не было Лисички. Болотной. Большого Полоза. В общем, недосчитались двадцати трех. А из оставшихся в живых не нашлось никого, кто не был бы страшнейшим образом помят, побит, потоптан, перепачкан кровью и грязью по трещинам разбитой чешуи.

— Таков успех нашей кампании,— печально промолвила Шустрая, задержавшись на мгновение у большого камня, чтоб растереть об него ушибленную голову.—Поздравляю, Дриада Джунглей!

Однако то, что случайно слышала, ускользая последней, когда дверь конюшни уже захлопывалась, она сохранила в тайне: вместо того чтоб убить, они спасли лошадей и мула, поскольку те хирели именно из-за недостатка яда!

Известно, что для жизни лошади, которой делают прививки с целью добиться иммунитета, яд становится не менее нужен, чем вода, и нехватка его ведет к смертельному исходу.

...Вторично лай собаки, идущей по их следу, послышался где-то неподалеку.

— Нам угрожает великая опасность! — вскричала Лютая. — Что предпримем?

— В грот! В грот! — раздался общий испуганный клик, и все заскользили к знакомой нам пещере.

— Да вы обезумели! — попыталась удержать остальных Шустрая. — Вас всех передавят! Вы на смерть ползете! Послушайтесь моего совета: разделимся!

Ускользящие прервали свое бегство, в сомнении. Сквозь все их замешательство что-то подсказывало им, что разделиться было единственной мерой, могущей их спасти. И в полной растерянности они смотрели вокруг себя и друг на друга. Один бы еще голос, один лишь — и они решились бы...

Но азиатская Королева, униженная, побежденная в своем повторном порыве к власти, кипящая ненавистью к стране, которая для нее теперь навек заказана, решила лучше пропасть, но только чтоб с нею вместе пропали и все эти, чужие...

— У Шустрой помутилось в голове! — вскричала она грозно. — Если мы разлучимся, мы беспомощны, нас убьют одну за другой... Всем в грот!!

— В грот! В грот! — нестройно отозвалась перепуганная колонна.

Видя, что творится, Шустрая поняла, что они спешат навстречу своей смерти. Но, злые, жалкие, раздавленные, охваченные паникой, Ядовитые, однако, готовы были пожертвовать собою во имя своей Идеи! И, надменно дернув раздвоенным языком, она, которая могла бы в одно мгновение очутиться далеко отсюда благодаря своему дару быстроты, двинулась вместе с другими напрямик к Смерти.

Вскоре ощутила она прикосновение чьего-то тела и с радостью узнала Анаконду.

— Вот видишь, — сказала она приветливо, — во что нас вовлекла эта азиатка!

— Гадина... — тихонько отозвалась Анаконда, стараясь держаться поближе.

— А сейчас тащит их за собой, чтоб всех их вместе прикончили!..

— Ей-то, по крайней мере, не удастся это увидеть!.. — зловеще предсказала Анаконда.

И обе, прибавив быстроты, догнали колонну.

Прибыли...

— Слушайте все! — подалась вперед Анаконда, с горящими глазами.— Вам это неведомо, но я знаю твердо, что через десять минут ни одной из вас не будет в живых. Так что Ассамблея распалась и ее законы недействительны. Правду я говорю. Лютая?

Наступила долгая тишина.

— Правду,—подавленно вздохнула Лютая.—Все распалось...

— Тогда я хотела бы,—продолжала Анаконда, словно ища кого-то взглядом,—перед смертью... Ну, сама судьба...—заклчила она твердо, заметив, азиатскую Королеву, медленно ползущую в ее сторону.

Да, это не был идеальный случай для сведения счетов. Но с тех пор как мир есть мир и земля есть земля, ничто, даже направленный на них нож Человека, не могло быть препятствием в личной расправе между Ядовитой и Безъядной.

В первой схватке преимущество было на стороне азиатской Королевы: ее ядовитые клыки по корень врезались в шею Анаконды. Но последняя, прибегнув к сложному маневру, известному лишь удавам,—в стремительном броске сжимать жертву смертельным объятьем,—махнула своим телом, как хлыстом, и крепко сковала им Дриаду Джунглей, которая в одно мгновение почувствовала, что задыхается. А Анаконда, словно вся ее жизнь зависела сейчас от силы обхвата, свивала одно стальное кольцо вслед другому... Но и кобра все не выпускала своей добычи... Был момент, когда Анаконда почти услышала хруст собственного черепа в пасти Дриады Джунглей. Но у нее хватило мужества на последнее отчаянное напряжение, и этот надрыв склонил судьбу на ее сторону. Пасть кобры, уже полузадушенной, раскрылась, бессильно слюняваясь, и освобожденная голова Анаконды упала на тело Дриады Джунглей.

Тогда, уверившись в прочности страшного объятья, каким сковала противницу, Анаконда стала тянуться вдоль ее шеи, вонзая зубы резкими, короткими ударами, в то время как кобра могла только отчаянно трясти головой. Девяносто шесть острых зубов Анаконды кололи все выше и выше, достигли шляпы, продолжали проколы, коснулись горла, зашуршали дальше, пока наконец не воткнулись в голову врага, пробив ее с глухим и долгим треском.

Все было кончено.

Анаконда расслабила кольца — и тяжелое тело азиатской Королевы медленно расправилось на земле...

— Теперь я удовлетворена... — успела еще выдохнуть Анаконда, упав без признака жизни на это мертвое тело.

И в это самое мгновение остальные услышали менее чем за сто метров от них резкий собачий лай.

И они, которые лишь десять минут назад растерянно толклись у входа в пещеру, ощутили, как их глаза наливаются кровавым пламенем великой борьбы в защиту всей бескрайной сельвы.

— В грот! — раздалось еще несколько несмелых голосов.

— Нет, умрем на месте! — заглушил их единый свист.

И, прижавшись к каменистому утесу, отрезавшему им всякую возможность отступления, высоко вытянув шеи и напрягши головы над свернутыми кольцами тел, блестя угольками глаз, они стали ждать...

Кратким было их ожиданье. В свете раннего дня, еще мутно-лиловом, увидали они, как на черном фоне деревьев возникли два высоких силуэта: один принадлежал новому директору, другой — Фрагосо. сдерживавшему на ремне собаку, которая, дрожа от ярости, изо всех сил тянула вперед.

— Кончено! Теперь уж кончено! — проговорила Шустрая, прощаясь этими четырьмя словами с жизнью довольно счастливой, которую так недавно решила принести в жертву.

И в дерзком порыве ринулась навстречу собаке, уже спущенной с ремня и с белой от пены пастью наступавшей на них. Животное отпрянуло назад и наткнулось на Лютую, но не успело кинуться на нее, как та проколола ему морду клыками. Боксер отчаянно замотал головой, потрясая в воздухе впившейся в него змеею, но она не отпускала...

Этим мгновеньем воспользовалась Нейвид, чтоб вонзить клыки собаке в бок; но случилось, что в это же мгновение над ними возникли люди. И в следующее мгновение Лютая и Нейвид лежали мертвые с перебитой спиной.

Златозарная была рассечена пополам, и та же участь постигла Лиану. Копьеголовая впиалась было в язык собаки, но через несколько секунд, четвертованная двойным ударом, уже лежала мертвая рядом с мертвым Эскулаповым Ужом.

Сражение, или, вернее, уничтожение, продолжалось с бешеным натиском, под змеиный свист и собачий лай. Охрипший Боксер был одновременно повсюду... Они пали одна за другою, без пощады — которой и не просили — растерзанные зубами собаки, раздавленные ногами людей...

Возле самой пещеры, служившей местом последнего их Конгресса, кончилась недолгая бойня. Крестоноски и Шустраи стали последними ее жертвами.

И уже не оставалось ни одной... Измученные люди сели прямо на землю, устремив взгляд на обширное кладбище племени, могущественного еще недавно. Боксер, с высунутым языком, часто дышал у их ног, выказывая несмотря на все прививки все же некоторые признаки отравления. Он был ужален шестьдесят четыре раза.

Когда подымались уходить, люди в первый раз обратили внимание на Анаконду, начинавшую, кажется, оживать.

— А удав-то что тут делает? — изумился новый директор.—В этой местности не водятся удавы... Похоже, что он сводил какие-то счета с этой ужасной коброй... Что ж, он на свой лад отомстил и за нас с вами. Мощная анаконда... Если б нам удалось ее спасти... Боюсь, что она смертельно отравлена... Давайте возьмем ее. Может, когда-нибудь она спасет нас от всей этой ядовитой нечисти...

И они направились к своему Институту, неся на толстой палке, взваленной на плечи двоих мужчин, израненную, полуживую Анаконду, которая, бессильно качаясь, вспоминала Шустрию, чья участь, если бы не ее надменный нрав, могла бы быть совсем такой же.

Нет, она не умерла, Анаконда. Она провела среди людей целый год, любопытствуя по углам и все примечая, но как-то ночью, внезапно решившись покинула свой приют, чтоб отправиться в длинный путь на долгие месяцы по пенным водам могучей реки Параны в край, откуда приплыла однажды вместе с разливом...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Инна Тынянова. Уроки мудрого лешего (Вместо предисловия).</i>	3

Сказки сельвы

Гигантская черепаха. <i>Перевод С. Мамонтова</i>	9
Чулки фламинго. <i>Перевод С. Мамонтова.</i>	15
Плешивый попугай. <i>Перевод С. Мамонтова.</i>	21
Война крокодилов. <i>Перевод С. Мамонтова.</i>	28
Слепая лань. <i>Перевод С. Мамонтова.</i>	39
Сказка про енотиков. <i>Перевод Р. Похлебкина</i>	46
Переправа через Ябебири.	54
Ленивая пчела. <i>Перевод Р. Похлебкина.</i>	65
Анаконда. <i>Перевод Инны Тыняновой.</i>	75

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Орасио Кирога

СКАЗКИ СЕЛЬВЫ АНАКОНДА

ИБ № 5547

Ответственный редактор *А. С. Ляуэр*
Художественный редактор *В. А. Горячева*
Технический редактор *М. В. Гагарина*
Корректоры *Ю. В. Дубовицкая* и *Ж. Ю. Румянцева*

Сдано в набор 05.01.82. Подписано к печати 14.10.82. Формат 70х90^{1/16}.
Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,19. Усл.
кр.-отт. 9,95. Уч.-изд. л. 6,78. Тираж 100 000 экз. Заказ 1404. Цена 55 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Госу-
дарственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Ок-
тября, 46.

Издательство
«Детская литература»

